

Еланчик В.А., Тизенгаузен Н.Ф.

На высочайшую вершину Кавказа

**Экспедиция С.Кавказского краевого отделения общества
пролетарского туризма на восточную вершину Эльбруса в 1929 году.
Снимки сделаны фото-корреспондентом газеты «Молот»
т. Братолюбвым. Краевым Научно Методический Советом допущено в
библиотеки школ повышенного типа на Северном Кавказе.**

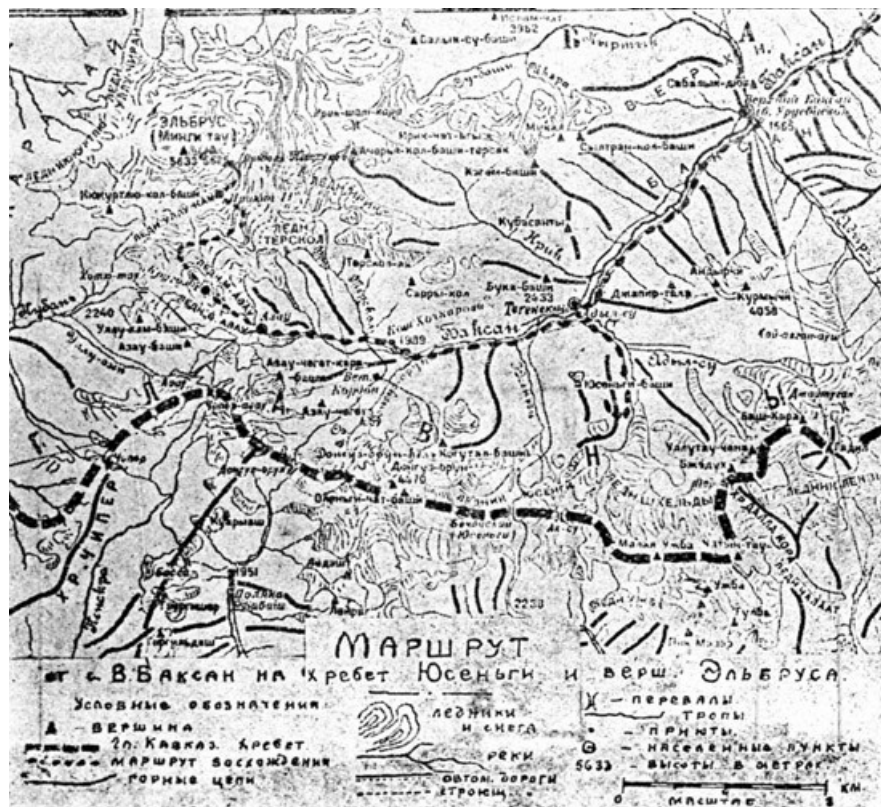
Книгоиздательство «Северный Кавказ»,
Ростов-на-Дону,
1930 г.

Предисловие

Октябрьская революция вызвала бурный рост туризма, который, захватывая все большие и большие слои рабочего молодняка, в условиях СССР становится мощным фактором культурной революции. В этом туристском потоке с каждым годом увеличивает свой удельный вес альпинизм — вид туризма, который ставит себе целью восхождение на горы, переход снежных перевалов и т. п.

О громадном общеобразовательном и воспитательном значении альпинизма спорить не приходится: в горах турист своими глазами видит процессы эволюции, непрерывное изменение мертвой природы, знакомится с современным строением гор и земной коры, наблюдает жизнь и быт народов, населяющих долины и ущелья гор, любуется природой, поражающей своей грандиозностью и сочетанием красок. В горах альпинист получает военную закалку, приучаясь быстро ориентироваться в опасной и сложной обстановке, на практике учится пользоваться картой и компасом, закаляет себя физически, культивирует в себе чувства товарищества.

Эльбрус всегда привлекал, а теперь в особенности, широкие туристские круги. Едва ли найдется любитель гор, который не задавался бы целью взойти на эту гору. И это понятно. Подняв свои конусы выше всех вершин могучего Кавказского хребта, Эльбрус является грандиозным вулканом, который господствует над всеми окружающими его горами.

В 1929 году Северо-Кавказское отделение общества пролетарского туризма организовало экспедицию на восточную вершину Эльбруса с чисто туристскими целями.

Авторы настоящей книги — руководители этой экспедиции. Они, по-моему, правильно подошли к составлению этой книги. Описав в живой, художественной и увлекательной форме как путь к Эльбрусу, так и восхождение на него, они одновременно вкрапили в этот материал целый ряд общеобразовательных и практических моментов.

Молодой рабочий, прочитав эту книгу и решив попытать счастья атаковать Эльбрус, не будет слепым во время своего путешествия. Последняя глава книги дает ряд практических указаний в отношении горвосхождений, применительно к специфическим условиям Эльбруса.

Наконец, нужно отметить следующий весьма положительный факт: авторы, прежде чем сдать рукопись в издательство, зачили ее на рабочем туристском активе, который, одоббив книгу, внес некоторые ценные указания, принятые и авторами.

Зам. председателя Сев.-Кав. краевого отделения

О-ва пролетарского туризма И. Вилькон.

Цель нашей экспедиции

Июль-август — лучшие месяцы для восхождения на Эльбрус. Вот почему это время было избрано Северо-Кавказским краевым правлением общества пролетарского туризма для снаряжения экспедиции на высочайший пик Европы, на величайшую вершину Кавказа — огромный и загадочный для многих Эльбрус.

Эльбрус расположен на территории Северного Кавказа. Значение его, как интереснейшего объекта для высокогорного туризма, выходит за пределы не только одного Кавказа, но и всего СССР. Помимо множества туристов, стремящихся со всех концов нашей необъятной Советской республики «попытать счастья на Эльбрусе», мы видим тягу к нему и из-за границы. Лучшие иностранные альпинисты, занесенные в историю мирового альпинизма, побывали на нем.

Эльбрус является прекрасной школой для высокогорного туризма. Многие альпинисты получили на нем свое первое крещение. Многие, полазившие по огромным фирновым полям его, через зияющие трещины ледников, получили боевую, военную закалку, испытали свои силы, выносливость, проверили способность ориентировки в трудных, неизвестных местах.

Несмотря на то, что до нас в истории восхождения на Эльбрус было зарегистрировано в литературе 24 удачных подъема, мы не имели почти никаких практических указаний для подготовки нашей экспедиции. Так, например, перелистывая кое-какую литературу о восхождении на Эльбрус, мы наткнулись на следующее «практическое указание».

«Для достижения высшей вершины Эльбруса в 18000 футов, при благоприятной погоде необходимо иметь с собой запас угляев, теплые одеяла, достаточное количество провизии, несколько тонких досок и веревок, на всякий случай, для устройства переправ через трещины...», но Г. И. Радде, писавший эти строчки в 1865 году, в своих воспоминаниях не указал точно — какой же вес этого снаряжения. Но, очевидно, груз, рекомендуемый Радде — не из легких, т. к. дальше он дает следующий совет: «Для переноски всего этого достаточно взять 10—12 сильных карачаевцев. Прежде всего, этим людям должны быть назначены денежные премии для возбуждения в них соревнования».

Ряд практических указаний давала статья Фролова, побывавшего три раза на вершине Эльбруса (помещена в одном из вестников «Ежегодника горного общества»).

Северо-кавказская экспедиция общества пролетарского туризма преследовала исключительно туристско-исследовательские цели: где лучше всего делать остановки, как идти, сколько времени нужно для подъема, какое необходимо снаряжение, продовольствие, как обстоит дело с проводниками и т. д. Сбор этих практических сведений позволил сделать вывод, который и являлся конечной целью, поставленной нашей экспедицией: доступны ли вершины Эльбруса для массового восхождения.

О трудностях подъема на вершины Эльбруса, о недоступности их для рядовых, «смертных» туристов можно найти целый ряд прямых и косвенных указаний как в дореволюционной, так и в современной литературе.

Известный кавказовед Анисимов, написавший ряд популярных книг о Кавказе, в своем путеводителе пишет, что «Эльбрус доступен только очень тренированным, здоровым и счастливым альпинистам».

Если вы обратитесь к горцам, которые живут в аулах, разбросанных в районе Эльбруса, и зададите им вопрос — можно ли залезть на вершину этого великана, то различные группы горцев ответят вам по-разному.

Горцы, занимающиеся проводничеством, часть их молодежи скажут вам, что подняться легко, и в большинстве случаев предложат свои услуги в качестве проводников. Другая же часть, главным образом, пожилая, заявит, что на вершине Эльбруса никто не был и никто никогда не взойдет.

Это мнение о недоступности Эльбруса и вообще больших снеговых гор связывается с религиозными предрассудками. Достаточно вдуматься в значение многочисленных названий величайшего кавказского гиганта, чтобы прийти к заключению, что это так.

Черкесы называют Эльбрус «Куска-Мафь» — гора, приносящая счастье. Они же называют ее и «Аш-гамахо» — священная высота.

Русско-тюркское название — «Джин-падишаха» — означает — царь горных духов. Имеются и другие названия: кабардинское «Ашхама-хуа» — гора дня, грузинское «Ял-буз» — грива снега, персидское «Альборз» — высокая гора. Самым распространенным названием является «Минги-тау» — двухголовая, тысячная гора.

Тот же Анисимов, описывая переход из Балкарии в Сванетию через Донгуз-Орунский перевал, имеющий высоту всего 3200 м., указывал, что проводник, делая замечания разговаривающим, ссылаясь на то, что «нельзя беспокоить бога у подножья его жилищ».

Природные условия, обуславливая хозяйственную деятельность народов, вместе с тем влияют на характер религии, те или другие мифы, сказания и легенды.

Не бог творил человека по «образу и подобию своему», как утверждают библия и другие священные книги, а человек, не умея правильно объяснить окружающую его природу и общественные отношения, в которых он жил на известной ступени своего развития, создавал фантастический, сверхъестественный мир; в сознании этих народов природа и социальные отношения отражались в искаженном виде, подобно тому, как кривое зеркало искажает отраженные в нем предметы.

Народы горных долин и ущелий «поселяли» своих богов на горных высотах. Народы, живущие по берегам морей и занимающиеся рыболовством, отводили место своим богам на глубинах морей и океанов (водяные, русалки). Охотники, живущие в лесах, населяли последние лешими и лесными феями.

Ростовские любители гор, правда, не поднимавшиеся на вершины Эльбруса, а бродившие по его склонам, называли нашу экспедицию чуть ли не безумной затеей, попыткой с негодными средствами. Они сравнивали наше восхождение на Эльбрус с путешествием на северный полюс.

— Только сумасшедшие могут решиться провести несколько ночей на вечных льдах.

— А что если подымется снежный буран, который пробушует на Эльбрусе 5-6 дней? Что будет с вами, занесенными глубоким, непроходимым снегом, без огня, продовольствия?

Мы слушали, «наматывали на ус» благие советы, но в то же время деятельно готовились.

Трудностей было много. Литература об Эльбрусе была разноречива, не было конкретных указаний о пути, снаряжении. Одноверстную карту Эльбруса достать нам не удалось. Пятиверстка, по своему масштабу, была непригодна.

Плохо обстояло дело и с альпийским снаряжением. Когда мы в одном магазине спросили, имеются ли ледорубы, нам предложили пожарные топоры или пионерские топоры. О таком снаряжении, как кошки и альпийский трос, в магазинах не имели понятия.

Последние дни в Ростове и выезд в Нальчик

Лето в Ростове невыносимо: солнце стоит высоко, обжигая своими горячими лучами. Каменные громады домов, раскаленные до последней степени, излучают подобно огромным печам целые снопы горячих волн... На размягченном асфальте видны отпечатки ног.

В такое время как-то неудобно бегать из магазина в магазин, разыскивая теплые вещи. Вваливаемся целой группой в спортивный магазин «Динамо».

— Дайте хороших фуфаяк, свитеров, шлемов, теплого белья, гетр, шерстяных носков и перчаток...

Приказчики с недоумением таращат глаза. Кто-то из публики пытается призвать нас к порядку:

— Стыдно понапрасну производить лишние разговоры.

Июль месяц, а вы требуете подобные вещи. Сознательные люди, взрослые, к тому же и очередь, — свирепел гражданин, принимая наш визит, очевидно, за хулиганскую выходку.

Мы объяснили в чем дело.

Но вот сборы почти закончены. Продовольствие закуплено и затянуто в непромокаемые клеенчатые мешки.

Наступило 13-е июля — день нашего выезда. На нас одеты только что купленные удобные комсомольские костюмы с расстегнутыми воротниками, за спинами рюкзаки с теплой одеждой. На ногах — немного тяжеловатые непромокаемые ботинки. Надеваем белые шляпы-осетинки и в полном снаряжении двигаемся по главной ростовской магистрали — улице Энгельса—на вокзал.

На вокзале мы — в центре внимания. Одинаковые и немного необычные костюмы бросаются всем в глаза. Многие спрашивают, куда мы едем. Лаконически и немного с гордостью отвечаем:

— Экспедиция на Эльбрус.

Ровно в 7 час. вечера отходит поезд. Большая группа провожающих бросает последние напутствия.

Мы покидаем Ростов. Быстро промелькнул мост. За Батайском перед нами открылась безбрежная зеленая степь. Первые три-четыре часа путешествия по железной дороге всегда представляют какую-то новизну. Смотришь в окна. Перед тобой мелькают непривычные, после долгой городской жизни, виды деревень, поля, леса. В речушках барахтаются крестьянские ребятишки, которые нагишом выбегают к поезду и приветствуют его громкими криками. По дорогам необъятных донских полей изредка встречаются телеги, которые кажутся неподвижными из окон быстро несущегося поезда. Скоро все это приедается и надоедает. Из Ростова к подножью Эльбруса можно проехать двумя, так сказать, генеральными маршрутами. Мы едем в Нальчик, откуда будем пробираться к Эльбрусу по ущелью реки Баксана.

Но есть другой, не менее интересный путь, это — через Кисловодск и дальше по берегу реки Малки на Гундилен. Проезжая по этому маршруту, можно познакомиться с группой курортов, расположенных в районе Минеральных Вод, ведущих свое начало еще со времен Петра I. До революции здесь отдыхала, кутила и проматывала огромные средства буржуазия. Сейчас Минеральные группы, это — советская здравница. Из больших отелей созданы дома отдыха, в многочисленных лечебных заведениях восстанавливают свои силы трудящиеся, съезжающие со всего Советского Союза. Из Кисловодска к подножию Эльбруса имеется хорошая дорога, по которой открыто автомобильное движение.

Наш выбор первого маршрута, т. е. через Нальчик по Баксанскому ущелью, базировался главным образом на том, что в Нальчике имеется сильное отделение общества пролетарского туризма, которое обязалось обеспечить нас альпийским снаряжением, необходимым для подъема на Эльбрус.

К тому же за неделю до нашего выезда туда поехал Перебийнос, наш коллега по путешествию в Сванетию, обещавший подготовить для нас транспортные средства. Он телеграфно сообщил нам, что в Нальчике идут сильные дожди. Откладывать своего путешествия мы не могли, связанные определенными сроками отпусков. Плохая погода нас не страшила: мы неоднократно бывали на Кавказе и прекрасно знали климатические капризы высокогорных мест.

Утром 14 июля, подъезжая к станции Прохладной, мы увидели любопытную сценку: на перроне вокзала около двух высоких иностранцев, бросающихся в глаза благодаря непривычным для нас альпийским костюмам, собралась глазееущая толпа. Рассматривают их с головы до ног. Громко выражают удивление по поводу тяжелых ботинок, подкованных большими гвоздями и пластинками, ощупывают странные для них теплые гетры, а также брюки, которые у иностранцев были выше колен. Осматриваемые улыбаются, пытаются что-то говорить на ломаном русском языке. Но их никто не понимает.

Мы сразу узнаем: это — два альпиниста бр. Рудольф и Эрих Брешары, немцы из Вены, которые просили присоединить их к нашей экспедиции на Эльбрус. Не достав билетов в Ростове на наш поезд, они обогнали нас Скорым. Как только мы выходим из вагона — иностранцы радостно бросаются к нам с криком:

Genossen (Товарищи!).

Часть нашей группы, владеющая немецким языком, объясняет, что можно поместиться всем вместе в одном вагоне.

Около пяти часов вечера подъезжаем к Нальчику.

Два дня в Нальчике

Мы — в Нальчике, центре Кабардино-Балкарской автономной области.

Местное отделение Общества пролетарского туризма уже знает о нашем прибытии. На перроне нас встречает председатель о-ва, т. Артемьев, смуглое и загорелое лицо которого мы сразу узнаем.

— Можно ли завтра с утра двинуться по Баксану? — Имеются ли места в автомобилях? — забрасываем вопросами

Нальчик встречает нас неприветливо. Погода хмурится. Все время шли дожди, в горах выпал глубокий снег. По слухам, перевалы закрыты для туристов, дороги размыты, некоторые мосты сорваны бурными реками. Автомобильного движения нет. Перебийнос, телеграфировавший нам о дождях, просидел здесь целую неделю и, отчаявшись в перемене погоды к лучшему, уехал на подводе.

Нальчик — город будущего. В нашем туристском движении на Кавказе ему будет принадлежать одна из первых ролей. Он расположен в предгорной области наивысшей части Главного Кавказского хребта. От него, как по радиусам, разбегаются пути через высочайшие перевалы — в Карачай, Сванетию и Дигорию. Вечно снежные вершины, опоясывающие горизонт изломанной белоснежной линией, были скрыты от нас низко спустившимися темными облаками, из которых изредка выглядывало солнце. При ясной погоде отсюда можно наблюдать группу гор великанов: Дых-тау, Коштан-тау, Гистолу, Джанга-тау и Шхару.

Мы остановились в небольшой базе общества пролетарского туризма, где нашли массу фотографий, подробные карты Кавказа, небольшую, но хорошо подобранную туристскую библиотечку с редкими экземплярами немецкой и английской литературы.

Весь вечер прошел в изучении деталей маршрута по имеющимся материалам. Вокруг небольшого столика с керосиновой лампой были разбросаны груды книг и карт. Шелестели листы, страницы. Работа часто прерывалась обсуждением вопросов, набивших оскомину еще в Ростове. Опять говорили о предварительной тренировке перед восхождением на Эльбрус, о более быстром темпе продвижения, так как дальше предстояла длинная дорога через Сванетию, через два больших перевала. Общее мнение было таково, что в Нальчике нельзя было задерживаться более двух дней. Если за это время автомобильное движение не восстановится, нужно избирать другой способ передвижения.

Вечером к нам поступили первые сведения об Эльбрусе. Он покрылся свежим, глубоким ковром снега. Оказывается, Перебийносу с большим трудом удалось дойти до «Кругозора», т. е. подняться на юго-восточный выступ Эльбруса, высота которого всего 3200 м. Попытка его подняться выше кончилась неудачей.

Нам давали консультацию Артемьев и приехавший из Москвы член центрального правления общества пролетарского туризма Раковский, поднявшийся на Эльбрус еще в дореволюционное время. Раковский только что отправил разобранную будку, которую он, по поручению центрального правления о-ва, должен был устанавливать на склоне Эльбруса, на высоте 4100 метров.

На другой день с самого утра мы пошли осматривать город и сделать необходимые закупки.

После шумного и делового Ростова каким тихим и спокойным показался Нальчик:

Кабардино-Балкарская автономная область разбивается на две части: Кабарду, на территории которой и расположен Нальчик, и Балкарию, аулы которой разбросались на склонах Главного Кавказского хребта и его отрогов.

Нальчикский базар — это типичный кавказский базар, где можно достать все, что угодно. С 4-5 часов утра начинается его жизнь: гонят скот на продажу, вереницей тянутся телеги, груженные фруктами, овощами, маслом, молоком. Здесь же развертывают свои лотки галантерейщики. Продаются бурки, шляпы-осетинки, посуду, различную утварь и просто негодный и ненужный хлам.

Покупать бурки нужно умеючи. Бурка должна быть хорошо, плотно свалена. Обходим многих продавцов — смотрим бурки «на свет»: нет ли дыр. Наконец, после долгих и обычных для этих базаров выборов, делаем покупку. Цена бурки здесь — 15—20 руб. Это — для местных жителей, для приезжих цена поднимается до 30—40 рублей.

Нальчикское отделение общества пролетарского туризма имеет своего сапожника, который является «специалистом» по переделке обычных ботинок в «альпийские». Попросту говоря, вшивается только глухой язычок, который предохраняет ботинок от воды; в подметки вбиваются особые гвозди с большими, заостренными шляпками — и ботинок готов. Эта операция занимает не больше получаса.

С непривычки нога скользит по камню, «подкованные» подошвы издают неприятный резкий стук. Зато сохраняются подметки и облегчается движение по фирну.

На базе покупаем альпенштоки, берем напрокат ледорубы и кошки. Ремней для кошек нет, приходится заменить их обыкновенными фитилями для керосиновых ламп.

Заходим в Автопромторг. Там полная неизвестность. От дорожного отдела сведений нет. По дороге были обвалы. Автомобильное движение восстановится не ранее, как через неделю. Решаем ехать сегодня же на подводах.

Опять приходится идти на базар. Артемьев уверенно пробирается через вереницу подвод, — он знает, где искать лошадей, кто возьмется ехать в длинный путь по Баксану. Сразу же договариваемся с двумя горскими евреями, имеющими большие и широкие телеги, наполненные душистым сеном.

Наш путь по Баксану

В этот же день к 4-м часам дня наши вещи погружены на подводы. Тепло прощаемся с гостеприимной базой.

— Желаем вам успеха!

— Если доберетесь, будете первыми в этом году на вершине Эльбруса!

— О результатах не забудьте сообщить в нашу базу.

Когда лошади тронулись начали вспоминать, не забыли ли чего на базе. Как-будто все на месте. Пересчитываем членов нашей группы.

—А где Братолюбов?

Вспоминаем, что он побежал на вокзал узнавать, не получена ли посылка из Ростова с адаптером, который он забыл в Ростове и телеграфно просил выслать в Нальчик. Приходится задерживаться, но не надолго: скоро появляется Братолюбов с улыбающимся лицом. Мы догадываемся что все в порядке.

Быстро проносимся по опустевшему уже базару и выезжаем в широкую степь, на горизонте которой в синеватом тумане чернеют небольшие, едва заметные отроги Кавказского хребта.

Много веков назад земной шар, остывая, на поверхности своей коры образовал колоссальную складку. Поднявшись из глубины моря, эта складка в течение длительного геологического периода непрерывно изменялась под влиянием ветра, воды, колебаний температуры и приняла современный вид грандиозной цепи Кавказских гор. Больше чем на 1400 километров протянулся с северо-запада на юго-восток Кавказский хребет, разделив Кавказ на европейскую и азиатскую части.

Мы продвигались в самый могущественный, в самый дикий и грандиозный район хребта, протянувшегося километров на 300 от Казбека до Эльбруса и носящего название Кавказских Альп. Льдами и вечными снегами окутан гребень Кавказских Альп. Девять вершин этого гребня превышают Монблан, самую высокую гору Альп. Многие вершины по высоте приближаются к нему.

Солнце стояло еще высоко, когда Нальчик скрылся. Довольно широкая, пыльная дорога проходит по сочным, зеленым лугам.

Проезжаем мимо небольших кабардинских селений с крошечными домиками, утопающими в садах. Кабардинцы приветливо встречают нас и провожают любопытными глазами. Иногда останавливаем лошадей, пробуем завязать разговор. Но нам это не удается — они почти не понимают русского языка.

Обитатели этих долин — кабардинцы, являющиеся группой, родственной племени адыге (приморские жители) — принадлежат к одному из звеньев кавказской семьи народов. Они когда то жили по берегам Черного моря. Прошлого своего они не знают. Их история разбросана по многочисленным археологическим памятникам, которых очень много в Кабарде. В курганах-могильниках найдены молотки, топоры, каменные ступы, служившие когда то жерновами для перемалывания зерна, многочисленная домашняя утварь.

Кабардинцы издревле занимались земледелием, скотоводством, охотой, были знакомы с различными ремеслами. На протяжении столетий мало изменилась их жизнь. Октябрьская революция впервые пробила глубокую брешь в патриархальном быте, освободив их от гнета церкви и феодала, пошатнув устои ограниченного и замкнутого, почти натурального, хозяйства.

Однообразие маршрута приедается. От долгой езды на подводе затекают ноги. Чтобы избавиться от дремоты, охватывающей нас, соскакиваем с подводы. Идем по свежей, зеленой траве, счищая толстый слой жирной пыли, осевшей на ботинках.

Свежеет, думаем — где остановиться на ночлег. Солнце, наподобие большого раскаленного шара, быстро спускается к горизонту, вырисовывая косыми лучами затейливые узоры на низко спустившихся облаках.

Открытое поле выбираем местом нашей остановки. Распрягаем лошадей, насыпаем им корму, разводим костер. Большую, на девять человек, палатку кладем в виде подстилки на свежую траву.

После ужина, усевшись тесным кругом около разгоревшегося костра, начинаем заниматься своим делом. Один записывает в блокнот путевые впечатления, другой

пришивает оборвавшуюся пуговицу. Кто-то побежал купаться в протекающую недалеко речку.

Ночь незаметно и быстро надвигается. Наступает темнота.

Расстилаем бурки для ночлега. Дежурный получает наган, свисток, часы. Он должен, как часовой, ходить вокруг нашей стоянки. Говорят, здесь не совсем спокойно: были случаи, когда туристов грабили. Через полчаса наш лагерь мирно спал. Погода портилась. Накрапывал мелкий дождик. Костер потух. Слышно было только, как фыркали лошади, медленно пожевывая траву...

Утро наступило неожиданно. Ярко вспыхнул горизонт, разбудив задремавшую природу. Было 5 часов утра.

Прозвучал резкий свисток, и наш обоз медленно тронулся в дальнейший путь.

Совершенно чистый и свежий воздух приятно ласкал лицо. С нетерпением всматриваемся вдаль — хочется скорее приблизиться, врезаться в темнеющие горы.

Скоро наша дорога пошла по берегу бурно несущегося Баксана. Голубовато-желтая мутная вода несла в своем стремительном течении множество обломков дерева, щепок и камней.

Подъезжаем к легкому, «ажурному» мосту, перекинутому через Баксан. Мост подвешен к стальным канатам, переброшенным через реку. Канаты прикреплены к железным сваям на обоих берегах.

По мосту прогуливается Шендригайлов. Его фотографирует Братолюбов. Эта пара со своими фотоаппаратами всегда задерживает нашу группу. Все, что попадает по дороге, они считают нужным снимать. Особенно усердствует Шендригайлов: у него — недавно аппарат, и он практикуется. К сожалению, как мы узнали потом, все его старания были напрасны — не было ни одного удачного снимка: то недодержка, то передержка, то против солнца снято, то свет в кассеты попал.

Около 12-ти часов дня делаем остановку. Солнце жжет невероятно.

Покупаем небольшого барашка. Склярский, доктор нашей экспедиции, дает хирургические указания, как нужно зарезать его. На приготовление уходит масса времени. От долгого ожидания утихает и голод. Наконец, все готово.

В течение каких-нибудь десяти минут от барашка остаются только «рожки да ножки».

Дорога дальше становится интереснее. Мы въезжаем довольно в широкую долину, по краям которой поднимаются небольшие горы, покрытые травой. В этой части долина реки Баксана имеет скудную растительность. По ней можно ехать целый день, не встретив по пути ни одного дерева.

Горы постепенно становятся все выше и выше. Ущелье суживается.

Кабардинские селения, расположенные на равнинной местности, сменяются балкарскими аулами, которые разбросались, как гнезда, на красивом диком фоне отрогов Кавказского хребта.

Балкарцев — значительно меньше, чем кабардинцев. Они составляют всего 16% населения Кабардино-Балкарской области, тогда как кабардинцы — 60%. Несколько столетий тому назад в поисках лучших условий существования балкарцы, являющиеся тюрками, вышли из Крыма и поселились на Кавказе в районе Эльбруса.

Продолжительные войны с соседними горскими племенами прошли красной нитью в истории этого народа. Национальная политика советской власти сделала свое дело войны, национальная рознь уходят в область истории.

Основное занятие балкарцев — скотоводство. Земледелие у них не могло получить широкого развития из-за отсутствия удобных для обработки земель. Чтобы посеять нужно каждый небольшой участок земли очищать от камней, орошать и удобрять: земельные участки расположены на неудобных для земледельческих работ склонах гор.

Вскоре мы въезжаем в грандиозный каменный коридор. Это — Шашпарское ущелье. Огромные скалы нависли над нами, глубоко внизу ревет Баксан.

Эта река имеет историю, в основном сходную с таким бурными и известными реками Кавказа, как Терек, Урван, Чегем, Грух, Ардон и Фиэгдон. Они, как и Баксан берут свое начало в снегах и льдах Главного водораздельного хребта. Они, как и Баксан, бешено проносят свои потоки по ущельям, которые прорезают Боковой и Скалистый хребты. На 200 километров по прямой линии с запада от Эльбруса и на юго-восток от Казбека, севернее Главного хребта, местами параллельно ему, местами под разными углами к нему, расположил свои массивы Боковой хребет. В отношении высот он с успехом может конкурировать с Главным. На его массивах подняли ввысь свои пики такие колоссы, как Эльбрус (5633 м.), Дых-тау (5205 м.), Коштан-тау (5151 м.) и Казбек (5046 м.).

Много веков назад картина была другая: Боковой хребет не был разрезан на отдельные массивы ущельями рек. В те времена между ним и Главным хребтом, в котловинах от таяния снегов и дождей, накапливалась вода.

Но время бежало. Вода, разрушая горные породы, пробилась себе дороги (ущелья) через Боковой хребет и, бешено несясь по ним, прорезала и Скалистый хребет, расположенный на 10—30 километров севернее Бокового. Гребень этого хребта—очень скалист, вершины его принимают самые причудливые формы, но они — гораздо ниже вершин Главного и Бокового. Самый высокий пик этого хребта — Каракач — имеет высоту всего 3892 метра.

Но, кроме этих рек, по ущельям Скалистого хребта несутся потоки, которые образуются от таяния снегов и льдов не Главного хребта, а Бокового (Тызиль, Малка, Гизель-дон и другие реки).

— Ничего себе, большой «трудовой стаж» Баксана! — кто то сказал.

Созерцая глубокое ложе этой реки, грандиозный и хмурый каменный коридор Шашпарского ущелья, против этой реплики никто не возражал.

Быстро наступили сумерки. Огромные обнаженные скалы нависли над дорогой, вьющейся узенькой ленточкой.

Ущелье суживается все больше и больше, урывая последние остатки голубого неба. Становится сыро.

Наконец — последний поворот, и мы проехали эту грандиозную щель, прорезывающую горные массивы.

Горцы рассказывают, что много лет тому назад здесь была крепость. Громадная стена с огромными воротами, наглухо закрывающимися от врагов, перегораживала узкий проход.

Мрачное ущелье сменяется котловиной, покрытой ярко-зеленым ковром.

Здесь мы делаем привал.

Возница за ужином у костра, указывая на громадный утес, висевший каменной глыбой над бурлящим Баксаном, рассказал нам легенду, распространенную среди кабардинцев. Когда-то, в давние годы, кабардинцы приговоренных к смертной казни преступников бросали с этой скалы в ревущий Баксан. Жители этой местности называют эту скалу «Кызбурун». Много лет тому назад один горец, по имени Наурбузов, заподозрив свою жену в неверности, велел судить ее. На самой вершине утеса происходил этот суд. Несчастную женщину подняли на руки, раскачали и с размаху бросили в зияющую пропасть. Через несколько часов ее изуродованный труп был выброшен на берег.

Костер медленно затухал. Скала вырисовывалась темной, бесформенной громадой. Тысячи подобных трагедий горских женщин наблюдали молчаливые скалы. Ведь не так давно женщина гор была рабой, вещью, собственностью мужа. «Священная» книга мусульман — коран — закрепила это рабство женщины. Муллы (магометанские попы), следуя указаниям корана, оказывают и в наше время отчаянное сопротивление социалистическому строительству, которое в своем стремительном движении захватило и женщину гор. Ссылаясь на коран, муллы науськивают темные массы верующих на тех женщин, которые осмелились переступить запреты религии. Но, несмотря на это, сотни и тысячи горянок участвуют в общественной жизни аулов, учатся в специальных школах, которые организуются не только в национальных центрах, но и в таких городах, как Ростов и Москва.

Вторая ночь в горах была беспокойна. Сильный дождь изрядно подмочил нас. Мы были рады, когда наши возницы, подняв нас в 3 часа ночи, при полной темноте начали запрягать лошадей. Холодный сырой ветер дул из ущелья.

Неровная дорога дает постоянно о себе знать. Как только начинается хотя и небольшой подъем, лошади останавливаются. Приходится соскакивать с телеги. Медленно едем рядом, останавливаемся, любуемся красивой картиной окружающих больших, массивных, с ровным рельефом, совершенно голых, безлесых гор.

Стоит только немного зазеваться, во время не заметить, что дорога начинает идти под гору, — как от наших «экипажей» остается только облако пыли.

Верхний Баксан, быв. Урусбиево

К 4 часам подъезжаем к селению Верхнему Баксану, расположенному в горной котловине, прорезанной ущельями рек Баксана и Адыр-су, текущих с Главного Кавказского хребта, и Сюльтрана и Картыка, несущих свои воды из ледников Эльбруса.

«Странный, необычайный для Балкарии вид: вместо казенных, глинистых землянок — деревянный рубленый городок, точь в точь, как бревенчатая островерхая «старая Москва» на картинах Сурикова или же такие рубленые городки где-нибудь в лесистых верховьях Волги» — так удачно описал внешний вид Верхнего Баксана П. Максимов в своей статье «Последний Урусбиев».

До революции этот район носил название Урусбий, а селение — Урусбиево. Когда-то это была вотчина князей Урусбиевых. Не только большинство полей и лугов принадлежало этому княжескому дому, но даже великий Эльбрус считался его собственностью. Здесь еще помнят эти времена.

Революция смела остатки феодализма. Как след бывшего крепостничества, сохранилось специальное «положение» об обязанностях каракишей (крестьян) перед таубия (князьями), где нашло себе место и «право первой ночи».

Революция застала двоюродных братьев Ибрагима и Науруза Урусбиевых, «последних могиканов» этой фамилии. Лишившись своей собственности и других привилегий, братья не смирились и начали заниматься контрреволюцией. Ибрагим был расстрелян. Наурус же застрелился сам, очевидно, учитывая свое безвыходное положение.

Направляемся в исполком. Навстречу к нам вышел молодой балкарец, который объяснил, что «исполкома нет дома». Но он в данном случае вполне заменил отсутствующее «начальство», указав нам, где можно остановиться. В местном кооперативе идет бойкая торговля. Когда предъявили туристские заборные книжки, попросив отпустить нам сахар, продавцы внимательно со всех сторон осмотрели их, переглянулись и спросили:

— Сколько надо фунт?

— Отвесьте столько, сколько полагается. Опять на лицах недоумение. Мы догадываемся, что здесь еще ничего неизвестно о карточках на дефицитные товары.

Заходим в большой просторный дом, принадлежавший раньше Урусбиевым. Здесь делали остановки в былые времена альпинисты перед подъемом на Эльбрус. Князь Урусбиев завел специальную книгу, где путешественники делали свои заметки. В этой книге можно найти автографы Фрешфильда и его проводников Тукера и Мурра, записи Пастухова и многочисленных туристов, удачно и неудачно пытавшихся подняться на Эльбрус. Сейчас эта книга хранится в Пятигорском музее.

Пожалуй, в этой главе нельзя не сделать нескольких замечаний о первовосходителе на Эльбрус. В международной альпинистской литературе принято считать, что впервые достиг

вершины Эльбруса англичанин Дуглас Фрешфильд, член Альпийского клуба, основанного в 1857 г. в Лондоне. Приехав на Кавказ в 1868 году, Фрешфильд первым вошел в сопровождении опытных проводников Тукера и Мурра на Казбек. Затем по ущелью Баксана они добрались до Урусбиева, взяли с собой горского проводника Ахия и вчетвером взойшли 19 июля на восточную вершину Эльбруса.

Но есть основание полагать, что впервые вошел не Фрешфильд, а черкес Киллар еще в 1829 году. В этом году на Эльбрус была организована весьма своеобразная экспедиция. Начальник Кавказской линии генерал Эмануель, выполняя империалистические задания царского правительства, покорил карачаевцев. Чтобы окончательно усмирить непокорных горцев, Эмануель решил показать им, что для русской царской армии снега высочайших гор, теснины, ущелья не являются препятствием. Для этой цели он сорганизовал экспедицию на Эльбрус, вершины которого горцы считали священными и недоступными.

Положив в основу этой экспедиции военно-политические цели, он решил придать ей некоторый научный характер. Через Петербургскую академию наук были приглашены к участию в ней физик Ленц, ботаник Мейер, зоолог Менетрие и архитектор Бернадацци. Во главе же ученой части экспедиции встал академик Купфер.

Экспедиция начала восхождение не с юго-восточной стороны, как это обычно делается, а с севера, расположив лагерь немного к востоку от перевала Эпчик, около небольшого притока р. Малки.

Купфер, Мейер, Менетрие и Бернадацци прекратили восхождение, найдя себе приют среди скал приблизительно на высоте 4800 м. Академик же Ленц, опередив товарищей, добрался в сопровождении двоих кабардинцев и казака Лысенкова до седловины (5321 м.). При этом, по свидетельству Купфера, одному из кабардинцев — Киллару — удалось взобраться на восточную вершину, с которой он начал спускаться тогда, когда Ленц достиг своей последней остановки, т. е. седловины. Киллар получил за это денежную награду от генерала Эмануеля.

Мюрцбахер и Деши в своих книгах о Центральном Кавказе, не переведенных на русский язык, безосновательно утверждают, что Киллар не достиг вершины. Авторитет этих исследователей был достаточен для того, чтобы последующие писатели забыли о Килларе.

Вскоре нам был приготовлен, за невысокую плату, хороший и сытный обед. Закусив, отправляемся в селение. Подходим к мечети, которая находится в центре. На ступеньках сидит группа стариков. Нам позволяют осмотреть мечеть. В сопровождении муллы входим в полутемное деревянное помещение. На разостланном ковре молится старик. Внутри — пустота, ничего интересного нет. Выходим из мечети и направляемся к группе молодых балкарцев.

Еланчик среди молодежи пытается зондировать почву как дела у них насчет Аллаха и Магомета. Они в ответ улыбаются. Среди них есть комсомольцы. В мечеть ходят старики, молодежь безразлично относится к вере своих отцов и дедов. Расспрашивают о жизни города и особенно Москвы. Частенько здесь крутят кино. Об этом говорят красочные плакаты, расклеенные на заборах селения.

Останавливаемся недалеко от мечети в одном из просторных домов. Рассказывают, что раньше здесь было нечто вроде гостиницы.

Свободно разговариваем с балкарскими женщинами. Лица своего они не закрывают.

Размещаемся в большой комнате, по стенам которой расставлены кровати. В одном углу — большой очаг, с широкой сквозной, прямо через крышу, трубой. Здесь балкарцы готовят себе обед, кладя пищу в чугунный котел, подвешенный на массивной цепи. Перед сном Склярский делает «врачебный» осмотр помещения. По его мнению, угрожающее количество клопов не позволит спокойно провести свой трудовой досуг, поэтому он решил ночевать на пушке около Баксана. К нему присоединяются Самарин и Шендригайлов. За свою «клопиную боязнь» они были наказаны. Около 3 часов ночи пошел сильный дождь, и наши герои, основательно промокнув, должны были возвратиться обратно.

Селение Тегенекли

18 июля выступаем дальше. Дорога все время тянется берегом. По холодной воде мы чувствуем, что не так далеко находятся ледники, питающие голубовато-белый Баксан.

Впереди ясно вырисовывается снеговая линия Донгуз-Орунских высот. Ущелье — то расширяется, то суживается. Волнообразные горы заканчиваются грандиозными скалистыми вершинами, со множеством острых и причудливых пиков.

Скоро мы входим в душистый, сосновый лес. Недалеко от слияния Баксана и Адыл-су строится санаторий. Эта местность, по признанию целого ряда специалистов, является прекрасной горноклиматической лечебной станцией.

Заходим в небольшой недавно выстроенный домик. Нас встречает человек в технической фуражке. Это — техник по землеустройству. До 1926 года балкарцы не знали, что такое землеустроительные работы. Здесь не было даже простого межевания. Каждая балкарская семья обрабатывала тот участок, где тауби посадил своих холопов. Большие земельные участки захватывались на основании «грамот», выданных русскими царями. Нажива на земле процветала во всю. За усадебные участки владельцы брали с крестьян до 50 руб. После изгнания князей началась беспорядочная дележка земли. Чересполосица и дальнотемелье — характерные явления в землепользовании балкарцев. Некоторые селения имели наделы дальше, чем за 100 км от места своего расположения. И сейчас здесь проходит большая землеустроительная работа.

Около двух часов дня мы вступаем в селение Тегенекли.

Останавливаемся на базе «Советского туриста», которая представляет собой два больших, деревянных корпуса. Здесь можно остановиться на полном пансионе и получить, трудно доставаемый в этом районе, хлеб. В столовой развешены карты, на которых проведены наиболее интересные местные маршруты, также имеется библиотечка с популярной туристской литературой и полным комплектом «Записок Кавказского Горного общества».

Еще в Ростове мы решили подниматься на Эльбрус с проводником. Конечно, было бы гораздо интереснее идти самостоятельно. Но нам нужно было во что бы то ни стало дойти до вершины Эльбруса, а наличие опытного проводника увеличивало шансы на успех. У нас было намерение взять проводником Сеида Хаджиева, известного в широких туристских кругах, несколько раз поднимавшегося на вершину Эльбруса. Но Сеида Хаджиева не было: он повел экскурсию в Сванетию через Донгуз-Орунский перевал.

По рекомендации Нальчикского отделения О-ва пролетарского туризма договариваемся с его учеником, Омаром Быкаевым, который, как и Сеид Хаджиев, является прекрасным охотником. Преследуя туров по высоким скалам Омар научился ориентироваться в горах, как дома.

Омар по-русски не говорит. Он знает только одно слово — «не знаю». Переговоры ведем через переводчика и только по движению головы и выражению глаз узнаем, с чем соглашается и с чем не соглашается молодой Омар.

Расположившись в отведенных для нас двух комнатах выходим на улицу поболтать с горцами.

Несколько молодых балкарцев стоят у оседланной лошади, которую под уздцы держит Омар.

— Садысь, — обращается к нам один балкарец, указывая на лошадь.

Еланчик принимает приглашение горца, берет ее под уздцы. Горец, мотая головой, объясняет, что лошадь — горячая и малообъезженная. Но он уже сидит верхом на ней. Лошадь, немного поплясав на месте, карьером помчалась вниз по дороге, пролетала через мост, скрылась за соснами. Через полчаса, к удивлению горцев, Еланчик на взмыленной лошади возвращался обратно. Лошадь шла спокойно.

— Хорош, хорош, — слышались реплики из группы горцев.

Зовут ужинать. Нам кажется комфортом сидеть за стоном, есть из отдельных тарелок и пользоваться всеми Удобствами городской жизни.

Завтра решено совершить тренировочное восхождение на расположенный в Баксанском районе, недалеко от Тегенекли, хребет Юсеньги, высота которого около 3600 м. Ведь прежде, чем начать восхождение на высочайшую вершину Европы, необходимо потренироваться, необходимо попробовать свои силы.

Тренировочное восхождение на хребет Юсеньги

19 июля в 9 часов утра вся наша группа выступает в путь. Идем налегке, захватив с собой альпенштоки (Палка из бамбука, с острым металлическим наконечником) и немного продовольствия.

Пройдя минут 15 по уже знакомой нам дороге, сворачиваем в ущелье реки Адыл-су, которое ведет к подножью хребта Юсеньги. Дальше дороги нет. Идем по тропе, которая, поднимаясь все выше и выше, часто теряется среди камней и зарослей.

Все очарованы красотой этого ущелья. Действительно, на зеленом фоне леса, купаясь в солнечных лучах, четко вырисовываются вечно снежные вершины Уллу-каратау и Джан-тугана, а где-то внизу, глубоко на дне ущелья, глухо шумит бурный Адыл-су.

Встречающиеся небольшие полянки сплошь усеяны земляникой. Пройдя около часу, мы почти незаметно входим в долину реки Шхельды. Начали попадаться березки, напоминающие спокойные пейзажи русских равнин.

Горная панорама также изменилась: Уллу-каратау и Джан-туган скрылись, на смену им неожиданно вынырнули острые вершины Бжедуха и причудливый ледник Шхельды. Деревья начинают редеть, и мы выходим на альпийский луг. Минут десять крутого подъема — и мы у коша (Стоянка горских пастухов).

Вспотевшие от жары, жадно пьем айран, которым нас угощает пастух — молодой балкарец с орлиным носом.

Отсюда начинается подъем на хребет.

Через полчаса, оставив заболевшего Шендригайлова, начинаем восхождение.

На склонах Юсеньги спокойно пасутся стада. Зная неуклюжую корову наших равнин, удивляемся, как здесь это животное спокойно бегаёт по крутым склонам гор, не ломая себе ног.

Мы недооценили трудности подъема на хребет. Нам казалось, что вершины достигнем быстро и легко, но оказалось не так. Быстро карабкаясь и почти не отдыхая, мы нарушили чрезвычайно важное правило восхождения на горы, правило, которое вообще можно сформулировать так: подниматься на гору необходимо медленно, равномерно, делая непродолжительные, но частые остановки для отдыха.

За нарушение этого правила скоро наступила расплата — часть нашей группы, переутомив сердце быстрым подъемом выбилась из сил и вынуждена была прекратить подъем в высоте около 3000 метров, в том районе, где травянистая почва переходит в осыпи.

— Тизенгаузену кто-то насыпал на хвост соли, — в полусутливой форме, немного со злобой, говорили отстающие смотря на поднимающегося почти без отдыха Тизенгаузена.

Уже с этой высоты развертывается довольно-таки красивая и грозная панорама.

Правда, видна только южная сторона, но перед глазами маячит не только Бжедух, не только Шхельдинский ледник, но и дикая красавица Ужба, пользующаяся славой одной из малодоступных гор мира. Два пика (северный — 4725 м и южной — 4704 м.) этой горы так отвесны, так скалисты, что ледяной покров не может удержаться на них и залегает ниже, оставляя их оголенными. Не даром сванское название этой горы «Ужба» в переводе на русский язык означает «чудовище».

Было время, когда считали, что вершины Ужбы недоступны для человека. Но в сентябре месяце 1888 года английский альпинист Коккин взобрался на северный пик этой вершины. Затем последовали новые атаки, но они были безрезультатны до 1903 года. Этот год был счастливым годом для немецких альпинистов: группа во главе с Пфанном достигла северного пика вершины, а через две недели тоже немцы, Дистель и Лейхс, побили мировой рекорд,

взойдя на обе вершины. Затем наступил продолжительный перерыв. 1907 год отмечен в истории восхождения на Ужбу трагическим случаем: одиннадцать англичан, пытавшиеся взойти на эту дикую гору, погибли все до одного. Английский клуб альпинистов несколько раз снаряжал экспедиции для розыска своих погибших коллег, но поиски были тщетны.

Любуясь этой горой, мы не могли знать, что через несколько недель на ее южный пик взойдет председатель горно-альпийской секции центрального совета Общества пролетарского туризма Семеновский, и тем самым будет одержана блестящая победа советского альпинизма.

Оставив товарищей, мы начали карабкаться по осыпям и скалам. Здесь нужно было быть осторожным, так как, во-первых, подъем стал уже очень крут, и, во-вторых, небольшие камни, которые нам служили точками опоры, были весьма неустойчивыми. Прежде чем ухватиться за камень, опереться на него, необходимо было испробовать, крепко ли он сидит, выдержит ли он тебя; ведь сорвавшись он может (вызвать лавину, грандиозный обвал и похоронить под собой или сбить в пропасть сзади идущих товарищей).

Вскоре начали попадаться небольшие снеговые поля, которые облегчали нам подъем; последний к тому же стал менее крутым.

Уж видны очертания вершины хребта. Еще минут пятнадцать-двадцать напряженного движения — и мы на вершине. Возгласы восторга и изумления вырываются у нас.

Неожиданно перед нашими глазами открывается вся панорама на север, восток и запад, а в центре этой панорамы во весь свой рост стоял великан Эльбрус. Его белые снежные конусы возвышались над всей группой гор, окружавших его. Впервые мы видели его и своими глазами убеждались в его грандиозности, в его превосходстве над всеми горами Кавказа. Расположив свои массивы не в самой цепи Главного Кавказского хребта, а в верстах 20-ти на отшибе от него, в своем гордом одиночестве он еще больше усиливал впечатление своего величия, своего превосходства. Но недолго пришлось любоваться Эльбрусом. Вскоре облака закрыли его вершины.

На юго-западе, как на ладони, виден Бечойский перевал — ледяная дорога через дикий Кавказский хребет в Сванетию, в страну, закованную в кольцо снеговых гор.

Около 2000 лет населяют эту котловину сваны — народность, относящаяся к картвельской группе народов Кавказа. Сванетия, вследствие своей изолированности,— одна из интереснейших горных стран мира.

Отрезанная цепью снеговых гор, Вольная, или Верхняя, Сванетия имеет ярко выраженные следы родового быта, т. е. стадии, которую народы земного шара давно прошли в своем развитии. При этих условиях дорожный вопрос является национальной проблемой этого народа. И эту проблему, в настоящее время, разрешает советская власть, прокладывая удобную колесную дорогу через всю Сванетию на Зугдиди. Эта дорога, соединив сванов с внешним миром, явится мощным фактором экономического и культурного развития этого народа.

Кроме Бечо, имеется еще целый ряд перевалов через Кавказский хребет в Сванетию. Самый трудный, красивый и интересный перевал — это Цаннер. Грандиозные ледопады

обрываются с его отвесных стен. Приходится проходить по самому большому леднику Европы, в 18 километров длиною, носящему название Безингийского.

Еще в Ростове мы решили пробраться в эту страну через Донгуз-Орунскнй перевал, который нам по пути.

Отдохнув после стремительного подъема, все почувствовали зверский аппетит.

— Ich vill essen (я хочу есть), — по-немецки простонал Рудольф Брешар.

Садимся на площадку хребта и начинаем уплетать колбасу и сыр.

Но уже поздно. Солнце, заходя за горы, бросает на хребет последние лучи. У нас возникает мысль: нельзя ли спуститься с хребта с северной стороны в долину Юсеньги и тем самым сократить путь до Тегенекли. Немного посоветовавшись, решаем возвращаться по старому пути: уж очень крут северный склон, а у нас нет с собой специального снаряжения. Кроме того, такое неожиданное изменение маршрута вызвало бы напрасное беспокойство у ожидавших нас внизу товарищей.

Начинаем спуск. Встречающиеся снеговые поля используем для «санного продвижения» — садимся на снег быстро катимся вниз, затормаживаясь альпенштоками перед самым концом снегового поля, чтобы не разбиться о камни.

Снеговые поля помогают быстрому спуску. Через 25-30 минут, осторожно спустившись по осыпям, встречаем наших товарищей, уютно расположившихся в густой траве

— А где же Братолюбов? — бросают нам первый вопрос. Мы отвечаем:

— Как где? Он же остался с вами внизу?

Нам объясняют, что он не остался, а также пошел на вершину хребта.

Между тем вершина закрылась густым туманом, который, сползая все ниже и ниже, заволакивал склоны хребта! Начали беспокоиться за Братолюбова:

— Безобразие!! Нужно было подыматься всем вместе, а не устраивать гонки. Если с Братолюбовым случится несчастье, вы будете за это отвечать, — напал на нас, поднявшихся на хребет, рассвирепевший Самарин.

Но вскоре все успокоились, увидев спускающуюся фигуру. Оказывается, поднимаясь сзади, медленнее, чем мы, Братолюбов отклонился вправо от пути нашего следования и вследствие этого разминулся с нами. Немного подсадовали, узнав, что ему не удалось заснять Эльбрус, так как вершины его были закрыты облаками, когда он взошел на хребет.

На коше Шендригайлова не застали: не дождаввшись нас, он один ушел в Тагенекли. Опять пьем айран и, растянувшись в цепь, продолжаем наше возвращение.

Надвигаются сумерки. Лес потерял свои краски. Быстро спускается горная ночь. На базе нас ждет ужин. Проглотив свои порции, за чаем рассказываем окружившим нас экскурсантам о Юсеньги. Но долго разглагольствовать нельзя — нужно спать. Решено завтра рано утром выступать к подножью Эльбруса на поляну Азау и оттуда начинать восхождение.

От Тегенекли к подножию Эльбруса

20 июля проснулись рано.

Безоблачное небо холодного горного утра обещало хорошую погоду.

Наше вчерашнее решение выступить спозаранку осталось только решением. Целый ряд приготовлений задержал выход до 11 часов дня. Ушло много времени на выделение продовольствия и его упаковку. Оставшуюся часть, предназначенную для Сванетии, сдали заведывающему хозяйством базы. Долго спорили — что брать с собою, что оставлять в Тегенекли.

Ожидавшие во дворе два осла своими пронзительными криками напоминали, что уже пора выучить продовольствие и снаряжение. Эта процедура не так проста, как кажется, и отнимает много времени.

Долго упрашивали заведывающую базой дать нам на время восхождения примус и керосин, играющие весьма важную роль в мертвой области льдов и снегов. Нужно было позаботиться об этом в Ростове, но мы проявили беспечность, полагая, что можно достать подобные вещи в этих местах. Уговоры наши не увенчались успехом. Заведывающая категорически отказалась дать нам примус, который был единственным на базе.

Наконец, все готово. Братолюбов снимает всю нашу группу, и мы двигаемся в путь.

Перебравшись по мосту на другую сторону Баксана, идем по удобной дороге, которую проложили только прошлым летом. Раньше здесь, изгибаясь между скал и деревьев, шла тропа.

Местами открываются снега Донгус-Оруна, местам вырисовываются Юсеньги и другие вершины.

Через час проходим поселок Койсурульген и вскоре достигаем Терескола, последнего небольшого селения. Пьем айран и, отдохнув минут десять, продолжаем наш путь Эльбрусу.

Здесь образуется река Баксан, от слияния ледяного потока Донгуз-Оруна с реченкой Терескол, берущего свое начало в терескольском леднике Эльбруса.

Немного выше в Терескол впадает горная речка Азау. Начинается сосновый лес. Тропа часто теряется в зарослях леса. Наконец, выходим на поляну Азау, прямо к палаткам базы «Советского туриста». Немного дальше виден ветеринарный пост — небольшой деревянный домик. Налево виден подъем, по которому мы начнем наше восхождение, — это огромный лавовый выступ Эльбруса, края которого опоясываются ледниками Малого и Большого Азау.

Геологами точно установлено, что Эльбрус — это колоссальный вулкан. Основание Эльбруса, на котором высятся конусы, сложено из тех же пород, из которых состоит и Главный Кавказский хребет. Главную роль среди них играют граниты, но также много гнейсов и разнообразных сланцев. Все пласты этих пород залегают в основании Эльбруса в вертикальном положении: когда-то подземные вулканические силы выдавили их, земная кора треснула и через эту трещину вышла раскаленная лава (магма), растекаясь по склону. Остыв и подвергнувшись действию выветривания и другим силам, изменяющим поверхность земного шара, магма образовала два конуса — две вершины Эльбруса. На основании

изучения состава лавы и по ее расположению установлено, что вулкан Эльбрус пережил три периода или три фазы своей деятельности, временами затихая и покрываясь ледяным покровом и затем опять просыпаясь в виде колоссальных извержений.

Когда же образовались вулканические конусы Эльбруса? На это различные ученые отвечают по-разному.

Известный исследователь Абих, считает, что Эльбрус извергался во время ледникового периода. Фавр считает вероятным возникновение Эльбруса в начале четвертичной эпохи, оно отчасти предшествовало ледниковому периоду и отчасти сопровождало его. Фурнье относит время деятельности Эльбруса к концу третичного периода и началу четвертичного.

Но твердо установлено, что Эльбрус гораздо моложе Главного Кавказского хребта, его конические вершины, с ровными и плавными очертаниями склонов, не имеют глубоких следов продолжительных эрозий (размываний) и выветриваний. Нет тут острых пиков и зубчатых гребней, которыми так богаты горы Кавказского хребта.

Наука говорит, что возраст Эльбруса измеряется миллионами лет. Здесь «маленькое» противоречие с христианским учением, которое определяет возраст земли от так называемого «сотворения мира» до наших дней около 6000 лет. Правда, 1200 лет тому назад между западной и восточной церковью шел отчаянный спор: западная церковь полагала, что возраст земли около 4000 лет, а восточная насчитывала возраст значительно больше, в общем же попы в этом споре разошлись между собою немного — на 1525 лет.

По плану мы должны сегодня начать подъем на Эльбрус и заночевать на площадке, на высоте 3200 метров, того лавового выступа, который мы видим отсюда. Эта площадка получила название «Кругозора», так как отсюда открывается сравнительно большая панорама на окружающие горы. Нужно было подняться около 1000 метров, считая по вертикальной линии. Но мы опоздали — наступил уже вечер и, как ни печально, нам приходится на ночевку располагаться в раскинутых здесь палатках.

С точки зрения методики восхождения, ночевку нужно совершать на «Кругозоре», чтобы сохранить больше сил для нелегкого перехода по ледникам и фирновым полям к скалам «Приюта одиннадцати», в течение следующего дня. Эти скалы — единственное место, которое до некоторой степени может защитить вас, заброшенных во льдах, от снежных бурь на высоте 4100 метров. Но ничего не поделаешь — сами виноваты за проволочку в Тегенекли.

Развьючиваем ослов, откладываем некоторые вещи и часть продовольствия. Делим пополам сало, колбасу, а крупы целиком оставляем: они там не нужны — на вечных льдах костра не разведешь.

Самарин, мобилизовав Омара, начинает готовить ужин. Он, начиная от Тегенекли, неожиданно проявил хозяйственную жилку, незаметно как-то став руководителем во время завтраков, обедов и ужинов.

Жаркий день сменился очень холодным вечером.

Чувствовалась сравнительная высота этой долины. Склоны гор закутываются туманом. Полупрозрачными клочьями он спускается все ниже и ниже, заволакивая всю долину и закрывая Донгуз-Орун и Юсеньги.

Кутаясь в бурках, все собираются у костра. После ужина располагаемся спать в палатках. Завтра у нас боевая задача — подняться на скалы «Приюта одиннадцати».

От Азау до «Кругозора»

21 июля в 4.30 часа утра пронзительный свисток дежурного будит всех. Из палаток высовываются сонные физиономии. Быстро приводим себя в боевой вид. На этот раз все приготовлено накануне.

Дальше вьюка уже не будет. Нужно все тащить на своих плечах. Набитые до отказа рюкзаки плюс пристегнутые к ним бурки — дают себя чувствовать.

Братолюбов по обыкновению долго возится со своими фотопринадлелностями, вызывая злобные реплики по своему адресу. Подъем начинаем ровно в 5 час, как было назначено накануне. Настроение немного торжественное — ведь наконец мы лезем на Эльбрус.

Пройдя минут 15 по сравнительно ровному лугу, начинаем небольшой подъем. Шендригайлов, ускоряя шаг, опережает всех и скрывается за выступами, хотя накануне была строгая директива — идти всем вместе.

Подъем делается круче. Но мы, ободренные свежестью горного утра, лезем довольно быстро. Черные, порою с красным оттенком, обломки лавы затрудняют движение. Часть группы идет по тропе, изгибающейся большими зигзагами. Часть, сокращая себе путь, лавирует между камнями и идет почти напрямик.

Перед нами — могучий язык ледника Большого Азау. Ледник испещрен трещинами.

Ледники — это, пожалуй, самое интересное явление в высокогорных областях. На Кавказе, в горах выпадающие снега на высоте 3200 м, в силу низкой температуры, не стаивают, а слеживаясь принимают форму шариков, горошин и образуют большие залежи — так называемые фирновые поля. Испытывая давление верхних слоев, нижние пласты фирна образуют прозрачный лед, который, будучи твердым, обладает в то же время свойством пластичности полужидкого тела. Мертвым, оцепеневшим в своей неподвижности, вырисовывался перед нами ледяной гигант. Но это только так кажется глазам. В действительности он находится в непрерывном движении — он живет.

Ледники, как это ни странно на первый взгляд, двигаются или, вернее, текут по всем законам жидкого тела, заполняя все углубления и все неровности своего ложа. 5—10 сантиметров в течение суток — скорость сползания льда. Но движение не во всякое время и не во всякой части ледника бывает одинаковым. В верхней части, в силу большей крутизны, ледник течет быстрее, чем в нижних. Края ледника, вследствие трения о скалы, продвигаются медленнее, чем в середине. В теплые времена года размягченный лед течет быстрее, чем в холодные.

Высота 3200 метров на Кавказе — это предел сползания ледников, т. к. на этой границе скорость движения конца его равняется скорости таяния. Но, в зависимости от изменения климатических условий, ледники то увеличиваются, продвигаясь вниз, то сокращаются, отступая вверх. Безинги — самый грандиозный ледник Кавказа, в прошлом столетии в течение 20 лет отступил на 2000 метров.

Известный исследователь Эльбруса геолог Дубянский (дважды побывавший на вершине Эльбруса), на основании изучения морен (каменных валов), образующихся от движения льда, приходит к выводу, что в 90-х годах прошлого столетия маячивший перед нами глетчер Большой Азау спускался гораздо ниже.

Не отдыхая, взбираемся выше и выше. Поляна Азау, лес — опустились глубоко вниз. Хребет постепенно расширяется. Поднимающееся солнце окрашивало белый гребень в бордовые тона.

Пока Эльбрус встречает нас приветливо. На небе ни одного облачка. Горы, лес, долины замерли в какой-то торжественной тишине.

В 7½ час. мы — на «Кругозоре». Неожиданно открываются во весь рост белоснежные конусы Эльбруса, опирающиеся на огромные фирновые поля, занимающие всю северо-западную часть горизонта.

Темными пятнами выделяются, очевидно довольно значительные, лавовые обнажения на восточном конусе и более редкие — на западном. Кое-где и фирновые поля теряют свою ослепительную белизну.

Но какими близкими, доступными кажутся эти вершины. У некоторых вырываются возгласы:

— Ерунда!

— Пустяки!

— Шапками закидаем!

И только те, кто уже не раз бывал в горах, знали оптические шутки горных высот. Благодаря чистоте и разреженности воздуха, удаленные предметы кажутся здесь совсем близкими.

На юго-востоке до Коштан-гау развернулась перед нами сплошной белой цепью панорама Главного Кавказского хребта. Белоснежные причудливые вершины покоились на голубовато белых и серых ледниках, которые в свою очередь сползали по изогнутым складкам гор в глубокие и темные долины.

Эта панорама, прославленная многими альпинистами, нас не поражала. Всего несколько дней тому назад мы созерцали более дикий, суровый Кавказ со скалистого гребня Юсеньги.

На некоторых камнях было написано красками «К.Г.О.» — Кавказское горное общество. Мы, по поручению Северо-Кавказского краевого отделения Общества

пролетарского туризма, также вырисовываем три буквы — «О.П.Т.». Разные буквы этих двух эмблем отражают две эпохи в русском туризме.

Кавказское горное общество объединяло русскую буржуазию и интеллигенцию. Членами почетными и не почетными числилось много лиц, стоявших на высших ступеньках иерархической лестницы дореволюционной России. В списках его нередко попадались великие князья, графы и различные фоны.

У этого общества была своя идеология, которая соответствовала идеологии тех классов, которых она обслуживала: это — индивидуализм. Д-р М. Зайднер в своей статье «Альпинизм, как культурный фактор и спорт», помещенной в «Ежегоднике» этого общества, писал: «...Все без исключения согласятся с тем моим положением, что альпинизм есть деятельность главным образом индивидуалистическая». Простое развлечение, попытка уйти от нудной тогдашней жизни — вот основной смысл буржуазного туризма. В той же статье мы читаем: «На вершине горы мы стоим над миром с его суетой сует, с мелкими радостями и мелким горем; оторванные от условий обычной жизни, мы как бы возвысились над ней и с высоты птичьего полета озираем все наше существование...».

Для рабочего туризм, в особенности альпинизм, не был доступен. Октябрь вызвал невиданную в истории культурную революцию. Рабочий класс, в особенности молодежь, все больше и больше захватывается туристским потоком, превратив его из индивидуалистического в мощное общественное движение. Туризм превратился из пустой забавы в средство культурного развития трудящихся.

На «Кругозоре» в 1910 году, по поручению Кавказского горного общества, терским казаком Лысенковым был построен каменный приют для туристов — хижина им. Лейцингера. За время империалистической, а затем и гражданской, войны за этим приютом не наблюдали, и сейчас от него остались только развалины.

Поверхности «Кругозора» усеяна множеством разноцветных лавовых обломков.

Делаем небольшой, получасовой отдых.

Закусываем консервами, так как из продовольствия, взятого на вершину, — это наиболее тяжелый груз, и от него хочется скорее избавиться.

— Но где Шендригайлов?

Мы думали, что, идя впереди нас, он будет дожидаться на Кругозоре. На наши призывные свистки следовало молчание.

— Неужели он, не дождавшись нас, один решил продолжать путь через ледяные трещины Эльбруса?!

В 8 час. поднимается, наполнив предварительно из текущего под камнем ручья фляги ледяной водой.

Справа видна будка для метеорологических наблюдений, установленная в 1925 году Фроловым, по поручению Кавказского горного общества.

Через ледниковые трещины, по фирновым полям — к скалам «Приюта одиннадцати».

Пройдя минут 15—20 по гребню, мы подошли к началу ледяных полей Эльбруса. Отсюда хорошо виден красивый, грандиозный ледопад Большого Азау.

Когда солнце начинает пригревать, ледяные скалы, срываясь, падают вниз, нарушая тишину гор раскатистым гулом.

Все ледники подразделяются на два вида. Те ледники, которые плавно спускаются со склонов вечно снежных высот в долины и концы которых тают, образуя начала ручьев и рек, — называются ледниками первого порядка или долинными (альпийскими). А ледники, которые сползают с гор, имеющих крутые уступы или обрывы, не могут изогнуться настолько, чтобы плавно спуститься вниз; они дают трещины и большими глыбами обваливаются. Это — так называемые ледники второго порядка или пиренейские. (Такого рода ледники особенно характерны для Пиренейских гор).

Альпийские ледники имеют толщину от 200—400 метров. Пиренейские или, как их еще называют, висячие — значительно тоньше; на Кавказе их толщина не превышает 30—50 метров.

Ледники также подразделяются на простые, характеризующиеся тем, что не имеют боковых притоков, и на сложные или полисинтетические, образующиеся путем слияния нескольких ледниковых стоков.

В жаркую погоду, когда солнце стоит в зените над головой, лучше всего наблюдать жизнь ледника. Через каждые 30—40 минут раздается подобно пушечному выстрелу оглушительный грохот. Ледники разламываются, отделяются огромные глыбы льда, которые летят вниз, нарушая тишину гор глухим треском.

К сожалению, было еще рано, когда мы проходили около ледника Большого Азау. Солнце еще только вошло, было довольно холодно, и поэтому явление ледопада мы наблюдать не могли.

Вступаем в полосу вечных льдов. Ледяные поля Эльбруса раскинулись на огромном пространстве, занимая площадь, равную около 150 кв. километрам. Этот величайший ледяной покров, сковывающий Эльбрус, сползает и обрывается в разных направлениях ледниковыми языками. Общее количество ледников на Эльбрусе — 78, из них: первого порядка — 15, второго — 62.

Глетчеры Эльбруса спускаются во многих местах ниже снеговой линии, проходящей здесь на высоте 3000—3500 метров. Наиболее низко сползающие ледники, это — Малый Азау (2325 м.), Ирик (2552) и Терескол (2625 м.). Если сравнить ледники Эльбруса с другими ледниками Кавказа — кто ниже всех спустил свой язык, побил, так сказать, ледниковый рекорд, то это — красивый, с замечательно чистым, прозрачно-голубым льдом, Цейский ледник.

Ледники Эльбруса по величине своей уступают ледникам Адай-хоха, Шхары, Коштан-тау и Дых-тау. Достаточно сравнить для этого длину эльбрусских ледников, равняющихся в

среднем 2-3 километрам, с ледниками Цея (7½ км.), Лекзыра (12½ км.), Дых-су и Цаннера (13-14 км.), Карагом (15½ км.), не говоря уже о величайшем глетчере Кавказа—Безинги, вытянувшемся в длину на 18 км. Небольшую длину ледников Эльбруса можно объяснить тем, что ледяной покров его сползает не одним или двумя потоками, а множеством ледяных языков.

Дорога по снегу — не трудна. Он достаточно тверд, нога не проваливается; к тому же подъем совсем не крут.

Яркий солнечный свет, отражаясь от снеговой поверхности, режет глаза. Приходится, чтобы не повредить их, надеть очки-консервы. Яркий отраженный свет, с большим количеством ультрафиолетовых лучей, разрушающе действует на сетчатку глаза.

Защитные очки

Причудливые пики гор Главного Кавказского хребта, Эльбрус и снеговые поля окрашиваются для кого в синий, для кого в желтый или серый цвет, в зависимости от окраски стекол очков-консервов. Нам приходится надолго расстаться с естественным светом. Всю дорогу до «Приюта одиннадцати», до вершины и обратно пришлось пройти в очках. Только изредка, на 15—20, секунд, поднимешь их для того, чтобы полюбоваться зеркально-белым снегом, пересыпанным бриллиантовыми огоньками, с темными обнаженными выступами скал, резко выделяющимися на ярко лазуревом небосклоне.

Погода прекрасная.

Впереди спокойно, величаво, совсем, кажется, близко возвышаются две белые головы Эльбруса.

Идем цепью. Трещин пока нет. Солнце, поднимаясь все выше и выше, начинает понемногу припекать нас. Приходится постепенно стягивать шлем, свитеры, перчатки.

Но вот начинают попадаться первые трещины.

Трещины в ледниках образуются вследствие движения последних. Следует различать: а) краевые трещины — по краям ледника, наискось к середине, б) поперчные — разламывающие ледник вследствие движения его по неровному, с крутыми склонами, ложу и, наконец, в) продольные, которые образуются главным образом тогда, когда ледник, скованный ущельем, выходит в широкую долину. В этом случае он как бы растекается, делясь на отдельные продольные полосы. Самые опасные для туриста — боковые трещины, которые постоянно засыпаются обваливающимися с гор снежными лавинами, щебнем и камнями. Здесь — легче всего оступиться, сделать неосторожный шаг, провалиться в не совсем твердую снежную пробку. Вообще через ледники следует ходить очень осторожно.

На нашем пути пока попадаются узкие трещины, через которые легко перешагиваем, но чем дальше — они шире, и их становится больше. Уж не перешагнешь, приходится перепрыгивать.

Жестами и мимикой спрашиваем Омара, не нужно ли связаться веревкой, но он отрицательно махает головой.

Солнце взошло уже довольно высоко, и раскаленные лучи его начинают растапливать снежный покров Эльбруса. В глубине чернеющих трещин — шумит вода: в талом снеге образуются ручейки. Чу! Слышен раскатистый удар. Где-то далеко обвалилась льдина. В мертвой и окаменелой природе чувствуется биение жизни.

Подходишь осторожно к краю глубокой, с совершенно отвесными краями, трещине. Заглядываешь вглубь — полированные края окрашены в голубовато-синий цвет, переходящий постепенно в совершенно черный. Дна не видно. Только глухой рокот воды свидетельствует о том, что где-то далеко внизу имеется конец этой узкой, искривленной скважины.

Некоторые из наших товарищей стоят в нерешительности.

— Прыгать или нет?

— А что, если у края нога подвернется?! А что, если поскользнешься?!

Ширина трещины не больше 2—2½ шагов. Глубину определить трудно. Во всяком случае — не менее 100 метров. В других условиях, будь на дороге канава, овраг, ручей в 2½—3 шага — никто не задумываясь перепрыгнул бы. А здесь некоторые чувствуют себя как-то неловко — кружится голова, в ногах ощущается слабость.

Для горвосхождения необходима не только физическая закалка, но и известная психологическая тренировка. Прыгая через трещины, нужно приучить себя не думать о том, что очень глубоко, и как ты будешь лететь, когда сорвешься в трещину, а внимательно смотреть на другую сторону, выбирая удобное место для ноги.

Но вот, широкие, большие трещины миновали. Легко перепрыгиваем через более мелкие. Наконец, и их уже не стало. Впереди расстилается ровный фирн. Мы идем без кошек. Они здесь нам совершенно не нужны. Подъем — сравнительно пологий. Нога не скользит, а плотно входит в разрыхленный снег.

Неожиданно слышим чьи то окрики. Останавливаемся. Нас догоняют почти что бегом какие-то два парня. Они очень легко одеты — в летних рубашках, поверх которых накинута пиджаки. На головах легкие кепки. У одного на глазах очки-консервы, другой прикрывается носовым платком.

— Куда? — задаем вопрос.

— Как куда?! На вершину Эльбруса! Видите, какая погода хорошая, — получаем бойкий и задорный ответ.

— Смотрите, как близко, через полтора-два часа будем уже на вершине. Думаем там отдохнуть не более получаса, а затем к вечеру обратно.

Стараемся разубедить их. Объясняем, что на «Приюте одиннадцати» необходима ночевка. Ночью бывают морозы. Без теплой одежды пропадешь.

Наши уговоры не оказывают действия. Ребята молодые. Смелость, как говорят, города берет. Немножко иронически бросают нам:

— Ползите с вашим скарбом, может быть к вечеру доберетесь до «Приюта одиннадцати».

Через несколько минут их след уже простыл.

Медленно поднимаемся все выше и выше. «Кругозор» давно скрылся из наших глаз. Со всех сторон растяннулись безбрежные фирновые поля.

Несмотря на то, что мы находимся в области вечного оледенения, с нас градом льет пот. Солнце печет невероятно. Снимаем с себя все, что возможно. Наш иностранный коллега по восхождению, Эрих Брешар, хочет стащить нижнюю рубашку и попробовать принять солнечную ванну на Эльбрусе. Мы отговариваем его, зная действие солнечных лучей в подобных условиях. Термометр показывает плюс 35, а внизу около снега — холод.

— Однако недурно, — замечает Щеглов, расковыривая альпенштоком рыхлый снег, под которым бежит вода.

Пересохшее горло требует влаги. Но сейчас пить нельзя. Жажду все равно не утолишь, только создашь лишнюю работу для сердца. Но соблазн чересчур велик. Становишься на четвереньки, наклоняешься и прикладываешься сухим, разгоряченным ртом к ледяному ручейку. Делаешь несколько маленьких глотков: благоразумие все-таки берет верх.

— Довольно. Попробовали и хватит, — ругаются товарищи, оттаскивая присосавшегося к ледяной воде.

Три часа, как мы идем по фирновым полям. Разреженность воздуха не чувствуешь. Но усталость начинает сказываться на некоторых из наших товарищей.

Дорога портится. Снег становится очень рыхлым и ноги местами проваливаются по колено. Идти приходится осторожно, медленно, отыскивая на снегу крепкий грунт. Рюкзаки, поверх которых привязаны ремешками бурки, кажутся трехпудовыми гирями.

От частых провалов в снег намокают костюмы. Некоторых эти снежные ванны начинают нервировать: снег забирается в ботинки, рукава. О руках говорить не приходится — они всегда мокрые.

При каждом провале, особенно когда начинаешь вылезать из этого рыхлого снега, развязываются или обрываются ремешки, которыми пристегнута бурка. Приходится делать остановку. То и дело слышится крепкое словечко. Кое у кого усталость проявляется все больше и больше — частые отставания, одышка, бледность лица, глаза мутнеют.

— Ну, как? — спрашиваешь уставшего.

— Ни-и-и-чего, — слышится глухой ответ.

Старается сделать улыбку, а глаза смотрят дико. Горная болезнь, эта непрошенная спутница туристов, забирающихся на горные высоты, посетила и нас.

Первый пал от нее доктор нашей экспедиции, Склярский. Бледный, шатающийся от усталости, продрогший от холодного ветра, Склярский не мог идти дальше. Пришлось освободить его от рюкзака, бурки и всего багажа. С трудом вымучивая свой каждый шаг, при помощи Омара бедный доктор еле тащился с частыми остановками, задерживая всех.

Горная болезнь — это бич для альпиниста. Она проявляется различными способами. Главнейшие ее признаки — головокружение, общая слабость, особенно в ногах, одышка, сердцебиение. Симптомы тяжелой формы этой болезни выражаются в кровотечении из горла, носа, наконец в обмороках.

Опасность заболевания заключается также в том, что у больного притупляется инстинкт самосохранения. Заболевшему альпинисту хочется спать, хочется лечь, отдохнуть все равно где. Он не хочет понимать, что снег — это не подходящее ложе для отдыха. Ему безразлично все — холод, трещины. Опасности в пути не существуют для больного.

Медицина до сих пор точно не установила причины горной болезни. Основной причиной являются непривычные условия, в которые попадает человеческий организм при высокогорных путешествиях. Человек подвержен горной болезни обычно на высоте около 3000 метров, т. е. на такой высоте, где лежат вечные снега. Эти места характеризуются уменьшенным атмосферным давлением, меньшим, чем обычно, количеством кислорода, крайне нужным для правильного дыхания и кровообращения, резкими колебаниями температуры воздуха (ночью мороз, днем жара), инсоляцией, т. е. прямым действием солнечного света, насыщенного ультрафиолетовыми лучами. Эти непривычные условия, а также повышенная работа наших мышц, необходимая при трудных, продолжительных подъемах, и является причиной заболевания горной болезнью, известной уже обитателям горных местностей с седой древности. Более или менее определенно говорит о признаках горной болезни известный немецкий натуралист и путешественник, основоположник современной физической географии А. Гумбольдт (1789—1859 г.), у которого при подъеме на одну из высоких снежных гор началось кровотечение из горла.

Солнце печет еще достаточно сильно. Но изредка чувствуются легкие ледяные дуновения Эльбруса. Как только солнце начнет склоняться к закату, будет мороз. Нужно торопиться. Но наша группа ползет медленно, как черепаха.

Неожиданно раздается окрик:

— Свежие следы на снегу!

Кто-то недавно шел до нас. Не один след, а множество.

— Товарищи, это нога не человека, это следы лошадей или ишаков.

Вспоминаем, что перед нами выступил Раковский с частями будки, которую он должен установить на «Приюте одиннадцати». Вероятно, это следы от ишаков, которые волокли сюда эту ношу.

Все чаще и чаще всматриваемся вверх. Где же долгожданный «Приют одиннадцати»?

Различаем где-то далеко впереди две черные точки. Точки быстро приближаются к нам. Вскоре узнаем двух героев, которые так гордо обогнали нас около ледника Большой Азау. Сейчас вид у них — пришибленный, носы — синие а сами трясутся мелкой дробью.

— Ну, как, побывали на обоих вершинах Эльбруса? — теперь уже мы ехидно спрашиваем их.

— Н-н-нет, — слышится слабый, еле внятный ответ.

— Вершины оказались далеко. К тому же холодно.

— А у меня глаза немного того, — заявляет другой — боюсь их испортить.

— Ну, всего хорошего, товарищи! Торопимся засветло спуститься к Кругозору.

И опять побежали — только вниз — наши юные альпинисты.

Еще около часу медленно ползем вверх. Наконец вздох облегчения. Впереди четко вырисовываются на ярко белом фоне крутые, почти черные камни «Приюта одиннадцати». Скоро, скоро отдых.

После 6½ час. подъема по фирновым полям мы, наконец, вступаем на лавовые обнажения «Приюта одиннадцати». Навстречу выбегает исчезнувший Шендригайлов. Чтобы реабилитировать себя после неудачного восхождения на хребет Юсеньги, он один, отделившись от нашей группы, быстро начал восхождение и почти на час раньше дошел до «Приюта», благополучно миновав ледниковые трещины.

На скалах «Приюта одиннадцати»

Скалы «Приюта одиннадцати» получили это название после ночевки на них в 1909 году 11 -ти альпинистов, которые пытались, но не дошли на вершину Эльбруса. Они впервые обнаружили, что эти скалы являются самым удобным местом для ночевки перед подъемом. Скалы представляют огромные лавовые выступы из-под фирна, между которыми имеется

небольшая площадка, где альпинисты могут укрыться от снежных буранов, свирепствующих так часто на этих высотах.

Подойдя вплотную к скалам, мы увидели необычную картину для этих мест. На пустых, необитаемых скалах, среди вечных снегов, кипела жизнь: известный альпинист инженер Раковский, по поручению центрального правления Общества пролетарского туризма, устанавливает будку, которую он частями притащил на эту высоту с помощью сванов.

Будка далеко еще не готова. Пока установлен один только деревянный остов. Работа движется очень медленно. Сваны, вызванные через Донгуз-Орунский перевал из Сванетии, оказались плохими строителями. К счастью, в составе нашей экспедиции был плотник. Это — тов. Шендригайлов, который, отказавшись от подъема на вершину Эльбруса, решил остаться на «Приюте», чтобы помочь Раковскому в постройке будки.

Против решения т. Шендригайлова мы не возражали, так как понимали, что будка на такой высоте — целый клад для альпинистов. Мы же сами были очень довольны, что она еще не готова, и нам придется ночевать в таких же условиях, в каких были счастливцы, поднявшиеся на вершину до нас. Мы были даже в худших условиях, чем они: у нас не было примуса и спальных мешков, а ночевать под бурками, в раскинутой палатке, при температуре, которая с закатом солнца быстро падала спускаясь ниже нуля, — не так уж уютно.

Раскидываем палатку, закрывая края полотнищ, большими камнями, чтобы не дуло. Раскладываем бурки. Быстро, пока еще не так холодно, переодеваемся, во все теплое, что захватили с собой. Ноги у некоторых промокли. Растираем их коньяком, который заменяет нам спирт. Здесь же готовим себе обед. Воду берем из ручейка, который выбегает из-под камня, внизу, с южной стороны скалы. К вечеру этот ручеек замерзает, и если своевременно не запасешься, то останешься без воды. Раскрываем консервы — шпроты, баклажаны. Режем копченую колбасу. Хлеба у нас нет, мы и не брали его с собой. Имеются хорошие сухари и печенье.

Досадно, что нечем согреться. У Раковского примус, но очень немного керосину, и неизвестно, когда он закончит установку будки. Поэтому от мысли воспользоваться его примусом приходится отказаться. Бегаем в палатку к нему сушить ботинки и носки.

После небольшого совещания решаем начать восхождение на восточную вершину в час ночи при лунном освещении. Правда, опыт Грузинского географического общества показал, что не нужно форсировать восхождение на вершину, а подниматься постепенно. Так, под руководством Николадзе совершенно было восхождение в августе 1925 г. грузинской экспедиции на восточный конус Эльбруса, при чем вершины совершенно свободно достигли все члены экспедиции, состоявшей из 19 человек, в том числе 5-ти девушек. Успех такого массового восхождения объясняется тем, что они вынуждены были из-за тумана пробить на скалах «Приюта» 4 дня. За это время организм свыкся с условиями высокогорных местностей и позволил легко совершить последний, наиболее трудный и ответственный рейс.

Когда мы встретились с Раковским через несколько дней в Тегенекли, он уверял нас, что они так свыклись с условиями снежных высот, что свободно обходились без очков-консервов при солнечной погоде на фирновых полях.

Использовать опыт экспедиции Грузинского географического общества мы не могли. У нас время было считанное: мы были связаны отпусками; лишние сутки сокращали время для дальнейшего пути. А дорога перед нами была еще большая — через снежный перевал в Сванетию, там километров 150—200 пешком, затем снова через перевал — на Кутаис. К тому же мы немного опасались, что установившаяся хорошая погода изменится к худшему. Нужно было спешить, хотя было бы, конечно, лучше последовать указаниям руководителя грузинской экспедиции. В этом мы особенно убедились на другой день.

Солнце уже давно скрылось. Термометр показывает —12°. Это в июле-то месяце, да еще на юге!

Палатка для 10-ти человек была тесна. Ноги Тизенгаузена упирались в живот Еланчика. Ноги Еланчика подпирали щеку Братолюбова. В углу, сдавленный со всех сторон, тихо стонал Шендригайлов.

Ночь на 22-е июля была проведена беспокойно. Часто просыпались, выглядывали из палатки. К 11-ти час. ночи весь Эльбрус потонул в холодном, ледяном тумане. Мы тревожно переговаривались, чтобы не разбудить спящих товарищей. Казалось, не было надежды на подъем: погода испортилась, холодно, все устали, к тому же неудобная ночевка.

12 час. ночи. Пронзительно свистит разыгравшийся ветер. То надуваясь, то опять ослабевая, громко шлепают полотнища палатки. С трудом цепляя всех ногами, вызывая ворчание полусонных товарищей, вылезает наружу. От ледяного объятия ветра дрожит все тело и щелкают зубы. Луна и гребень гор потонули в тяжелой облачной завесе.

О выступлении на вершину через час нечего и думать. Не было бы хуже. Ведь может подняться буран, и нам придется несколько суток отсиживаться на этих скалах, среди льдов и фирновых полей. Кто может знать капризы великана Эльбруса?!

Кажется, никто не спит спокойно: часто ворочаются, слышны перешептывания.

К 2½ час. ночи ветер стал ослабевать, и вскоре совсем затих. Небо очистилось. В голубых лучах луны купался Кавказский хребет.

Штурм восточной вершины

Переговорив с Омаром, будим спящих. Нужно быстро подниматься для подъема.

Трое не идут на вершину: это — Склярский, который со вчерашнего дня скверно себя чувствует, Шендригайлов, откомандированный нами на выполнение более важного дела для альпинизма; остается также Эрих Брешар — ему запретил подниматься старший брат, Рудольф.

Остальные — Щеглов, Тизенгаузен, Еланчик, Братолюбов, Самарин, Р. Брешар и проводник Омар — быстро готовят себя в боевой вид.

Стояла морозная, тихая, зимняя ночь.

Нам не нужно брать с собой все то, что мы тащили на эти камни. Нужно иметь в виду большую трудность подъема в разреженной атмосфере, с малым количеством кислорода. При том мы должны в этот же день вернуться обратно.

Еще со вчерашнего вечера на нас одето все теплое — егерское белье, шерстяные чулки, свитеры, поверх которых одеты гимнастерки.

Надеваем шлемы, подвязываем к поясам кошки, разбираем ледорубы и альпенштоки. Карманы набиваем сахаром и шоколадом. Аптечка, которую нам приготовил доктор Склярский, очень проста: йод, вата, два бинта и, на случай горной болезни, нашатырный спирт и аспирин. Альпийского троса (веревку) не берем, т. к. дальше ледниковых трещин не будет. В карманах у нас фланелевые маски для защиты лица от ультрафиолетовых лучей, которые на больших высотах поражают не только глаза, но и кожу.

К 3½ час. приготовления закончены, и мы выступаем.

— Смотрите не подкачайте! — напутствуют нас остающиеся.

Идем все в каком-то торжественном молчании. Через 10 минут спохватились. Фото-корреспондент краевой газеты «Молот» тов. Братолюбов нарушил главную свою профессиональную привычку, забыл штатив с панорамной головкой. Охваченные горячкой восхождения, некоторые настаивают, не задерживаясь, продолжать подъем.

— Товарищи, мы лишаемся возможности сделать точные панорамные снимки окружающей вереницы гор, — возмущается Еланчик и, быстро сбежав по скалам, возвращается с забытым инструментом.

Поднимаемся ввысь. Вид — чарующе феерический: внизу, в бледном освещении луны, четко вырисовываются макушки высочайших гор Кавказа, а на севере, над снеговыми полями, загадочно, как сфинксы в предрассветном мраке, маячили белоснежные конусы Эльбруса. Мирно дремавший «Приют одиннадцати» скрылся.

Небо — светлее и светлее. Восток, загораясь, окрашивает в розовый цвет снежные вершины хребта, которые, по мере нашего подъема, уходят все ниже и ниже, развертываясь вширь и в длину. Вершины скучиваются и теряют свой грозно-неприступный вид, приобретая в то же время какую-то своеобразную дикость. Под ногами скрипит замерзший снег.

По описанию тех, кто дошел до нас на вершину, с «Приюта одиннадцати» они надевали кошки, но мы этого не делаем. Подбитые к подошвам гвозди обеспечивают достаточный упор нашим ногам.

Несколько раз останавливаемся, чтобы дать возможность Братолюбову заснять окружающую панораму.

Холод чувствовался очень сильно. Небольшой ветерок леденит лицо. Хотелось, чтобы скорее выглянуло солнышко. Подкрепляемся шоколадом.

Вскоре начинает сказываться разреженность атмосферы. Мы наметили примерно такой темп восхождения: 25 шагов подъема — 10 секунд отдыха, в следующий этап 25 шагов — 25 секунд, 10 шагов — 10 секунд, 10 шагов — 25 секунд. Одним словом, темп нашего движения дальше должен быть таков, чтобы переходы постепенно уменьшались, а отдых соответственно увеличивался.

Дорога шла по твердому фирну довольно ровно, но достаточно круто. Казалось, до вершины — совсем недалеко. Но это только казалось.

Впереди виднеется небольшая гряда камней, это — так называемый «Приют Пастухова». В прошлом столетии достиг вершин Эльбруса впервые из русских альпинистов известный военный топограф Пастухов. На эти виднеющиеся камни его несколько раз сволакивали без памяти сопровождавшие горцы. Но будучи очень настойчивым альпинистом, он опять стремился ввысь, и в результате 13 июля 1890 г. достиг западной вершины в сопровождении казаков Нехорошого, Таранова и Мерного, а второй раз взошел на вершину 29 августа 1896 года.

Подъем становится все труднее и труднее. Темп продвижения приходится все время сокращать. У Братолюбова начинаются приступы горной болезни. Пройдя еще немного, он решает идти обратно, возвращается с ним и Самарин, который с самого начала не ставил себе целью восхождение на вершину.

Мы заранее условились, что никакого принуждения и никаких препятствий для отстающих мы чинить не будем. Обратный спуск должен производиться каждым самостоятельно, без всяких прожатых. По издавна установившимся правилам горовосхождения, проводник идет до вершины, какая бы по численности ни была группа — хоть один человек.

Было досадно, что не придется дальше делать фото- снимков.

Почему-то жмем друг другу руки. Нас осталось пять.

Как мы после узнали, с Братолюбовым при съемке горной панорамы сделался внезапный приступ горной болезни, он упал в обморок и покатился по откосу. Очки-консервы разбились, порезав стеклами его лицо. Если бы не своевременная помощь Самарина, который задержал его и привел в чувство, Братолюбову угрожал бы не совсем приятный «санный путь» по ледяным полям Эльбруса.

Между тем, не зная, что произошло сзади нас, мы мерно и методически поднимались вверх.

Солнечный диск — уже высоко. Все освещено его лучами, но они не греют.

Еще одна потеря. Щеглов лаконически заявляет, что он промерз насквозь, что солнце хотя и взошло, но вряд ли на такой высоте будет греть, поэтому он возвращается обратно.

Настроение понижается. Возвращение Щеглова как-то подрывает веру в успех восхождения.

В четвертом часу достигаем «Приюта Пастухова», представляющего небольшую грудку камней. Название «Приюта» — очень условно: укрыться от снежного бурана здесь немисливо, кругом все открыто.

Располагаемся на отдых. Закусываем шоколадом и сыром, которым угощает нас Омар. Разговор не клеится, да он и не может клеиться, так как из четырех человек один говорит по-балкарски, один по-немецки и двое по-русски.

Прошло полчаса. Отдыхать долго нельзя — нужно лезть дальше.

Дорога становится однообразной — снег, снег, только один снег.

Впереди медленно двигается проводник. Слышны ровные удары ледоруба, а затем серебряный звон катящихся по откосу кусочков фирна. Ленточкой движется вся наша группа по свежесрубленным ступеням.

Солнечные лучи слишком ярки. Опасаемся за часть лица, незакрытого очками-консервами и шлемом. Но фланелевые маски, которые у нас в карманах, не надеваем на лицо — воздуха и так слишком мало.

Подъем становится заметно круче. Время бежало, но расстояние до седловины как будто не уменьшалось.

Уж давно погасли, потонули в белоснежной пустыне две маленькие точки Пастуховского приюта. Ноги налились свинцом, в груди бешено клокочет сердце.

После «Приюта Пастухова» очень резко стала сказываться разреженность воздуха. Через какой-нибудь час ходьбы вся наша «планово-отдыхательная» шкала была до конца исчерпана. После 10-ти шагов мы отдыхали уже не 25 секунд, а до тех пор, пока не восстановится полностью дыхание. Другого выхода не было, иначе дальше идти было нельзя. В голове шумело, шоколад в рот лез очень туго. С удовольствием проглатывали сочные куски лимона. Лицо не перекашивалось от этого, а скорее наоборот — лимон расправлял горловые судороги. Натирали виски коньяком, затягивались, как хорошей сигарой, нашатырным спиртом — после этого в голове свежело, усталость исчезала и казалось, что снова можно двигаться свободно вперед. Кажется, что можно пройти шагов 50, но делаешь 10 и опять такая же история.

Минуты бежали за минутами, а расстояние до седловины не уменьшалось. Где-то в глубине росло недовольство на эту проклятую седловину. Идешь, идешь, а все без толку. Тубы обсыхают — дышишь и ртом и носом, жадно хватаешь холодный, ледяной воздух, наполняя им легкие до отказа. Чаще хватаешь нашатырь, нюхаешь его до слез. Резко — секундное облегчение, а затем — снова пулеметная дробь в сердце.

Но вот конусы совсем уже близко — они разошлись, сплошная белизна их потерялась, на восточной вершине видно много камней и выступов.

С южной стороны, т. е. прямо, подъем очень крут. Его нужно совершать сбоку, дойдя до седловины. Берем влево, чтобы обогнуть вершину. Бесконечно долго вымучивается путь.

Седловина вот-вот, почти около нас. Но, во-первых, она не так близка, как кажется, а во-вторых, мы ползем как черепахи, изнемогая от недостатка кислорода, которого здесь

почти в два раза меньше, чем в тех атмосферных условиях, с которыми сжился человеческий организм.

Панорама — колоссальна: за Главным Кавказским хребтом видны Сванетские Альпы, а на западе открылась темно-синяя даль, имеющая резкую границу с небосклоном, и нам как-то не верится, что это — Черное море.

Но все это не вызывает восторга. В измученном организме нет места эстетике. Любознательности осталось также немного. Но юмор нас не покинул: мы улыбались, вспоминая, как Грове, который первый вошел на Западную вершину в 1874 году, описывая это место, признавался, что ему в голову начали приходить мрачные мысли. Он начал вспоминать глупости, которые он совершил в жизни, и самой большой глупостью ему казалось это восхождение.

Остановки становятся все продолжительнее и чаще. От медленного движения тело не согревается. Ледяной холод пробирается в руки, ноги и распространяется по всему телу. Температура падает все ниже и ниже. Солнце играет чисто декоративную роль, прямо, как в поговорке: «Светит, да не греет».

Тревожно: ведь еще нет седловины, а от седловины извольте не идти, а карабкаться до вершины. Отгоняешь тревожные мысли. Нужно идти вверх, идти во что бы то ни стало. И мы идем.

Разговоры давно иссякли. Гробовое молчание. Скрип снега, глухой стук ледоруба. На остановках обращаешь лицо к солнцу — хочется хоть немного согреть замерзающий нос.

Но вот, наконец, седловина. Высота 5321 м. Если исключить конусы, мы — на самой высокой точке Европы. Следующая после Эльбруса по высоте — гора Дых-тау, 5205 метров.

Западная вершина кажется совсем близкой — только перебежать небольшое снеговое поле. В действительности же до нее 1½ километра.

Отдыхаем около получаса. Настроение улучшается. Готовимся к последнему бою.

Испытав, каким тяжелым грузом является при таких подъемах каждая небольшая вещь, мы оставляем все, что возможно, вплоть до кошек, хотя отсюда и хорошо виден крутой подъем на конус.

Начинаем атаку. Пробуем взять интервал для нашего марша в 20 шагов, но это только попытка с негодными средствами — подъем чересчур крут, а воздух... где он, хороший, прославленный горный воздух?!..

Приходится применять здесь и руки: карабкаешься в полном смысле этого слова. В одной руке ледоруб или альпеншток, другая хватает холодный, острый камень.

Двигаемся осторожно. Прежде, чем схватиться за камень, наступить на него ногой, найти для себя новую точку опоры — пробуешь, крепко ли стоишь на ногах. Начинаем жалеть, что не надели кошки.

Изредка поглядываешь вниз. Седловина постепенно проваливается и уходит все дальше и дальше.

На западе показались темные облака. Напрягаем последние силы. Цель уже реальна, ощутима. Вот уже скоро, скоро вершина.

Облака быстро приближаются. Западный конус почти не виден.

Эльбрус, как огромный магнит, быстро притягивает облака, которые подобно дымовой завесе окутывают далекие вершины гор и несутся, подгоняемые холодным ветром, к его исполинской голове.

С последними остатками сил, перенапрягаясь выше всякой меры, мы ползем, цепко хватаясь за камни. Кажется, что забыты все опасности, в мозгу только одна мысль: успеть дойти до вершины быстрее облаков, ведь осталось совсем, совсем мало.

Мы ползли по конусу полтора часа. Омар объяснял нам, что можно было идти другим путем, более пологим, но и более длинным. Мы же, боясь «обманчивых горных расстояний», избрали более короткий, но крутой подъем.

Было безумно трудно идти — подымались, сидели в снегу, падали на него, отдыхали.

Кажется, мы истратили весь наличный запас своих сил.

Пульс учащенно бился. Мы дышали, как хорошо загнанные собаки. Не хватает кислорода. Стараешься как можно больше проглотить воздуха и скорее с силой выбросить его, чтобы получить еще такую же порцию. Мелькает мысль, что при таких частых и глубоких затычках можно очень легко заполучить воспаление легких. С досадой отгоняешь подобные мысли, как совершенно не нужные и крайне несвоевременные. Во рту пересохло. Лимоны истреблены.

Еще 20—30 метров до вершины. Предательские тучи, наподобие легкого тумана, начинают окутывать нас...

Вдали отрывистые, бесформенные лохмотья облаков представляют уже сплошную темно-серую массу. Начинает порошить мелкий снег.

Вершина уже ясно видна — физически ощутима.

Еще один последний порыв — и мы чувствуем, что наш тернистый путь закончен.

Мы — на восточной вершине Эльбруса. 5592 метра!

Садимся и неподвижно замираем. Кругом туман. Мы на краю кратера потухшего вулкана.

Поверхность вершины имеет продолговатую форму, немного напоминающую подкову, вытянувшуюся с запада на восток. Много лавовых обломков.

Когда-то из этой воронки, на краю которой мы сидим, изливался раскаленный поток лавы, и, может быть, это было в период исторического существования человечества. Ведь древние географы описывали Эльбрус, как огнедышащую гору. Согласно одного греческого мифа, главный греческий бог Зевс приковал к Эльбрусу героя-великана Прометея за то, что он похитил с неба для людей огонь. «Озверевший Зевс» не ограничился этим наказанием, а приказал орлу клевать печень Прометея. Прометея спас другой греческий герой, великан Геракл, убив орла и примирив Прометея с Зевсом.

Миф этот, как и вообще все религиозные представления, является сплошным вымыслом, сказкой. Такие вымыслы создавали народы на ранней ступени своего развития, еще не умея дать правильного объяснения окружающим явлениям природы, вторгающимся в их хозяйственную жизнь. Но очень часто в мифах, легендах в искаженном виде, в фантастических сплетениях изображается факт или явление, которые когда-то были в действительности. Например, наводнение таких мало-азиатских рек, как Тигр и Ефрат, послужило основанием для создания библейского мифа о всемирном потопе.

Следы лавового потока здесь на каждом шагу в виде лавовых выступов, камней, шлаков и осыпей. Есть целый ряд данных, говорящих за то, что вулкан Эльбрус не совсем остыл. Из берегов рек, вытекающих с Эльбруса, выбегают минеральные источники, выделяющие углекислый газ. Некоторые из них имеют высокую температуру: в 1923 году на Кавказе было сильное землетрясение, и ученые полагают, что вероятным эпицентром (источником) этого землетрясения являлся Эльбрус. Все эти данные говорят, что этот великан не умер, а спит. Кто знает, может быть, опять он пробудится, и из его пасти разольется по склонам огненная лава, растапливая снег и разрушая породы.

Поднимаясь на Эльбрус, мы, конечно не собирались делать геологических наблюдений, но все же хотелось полазить по вершине. Но снегопад усиливался. Досадно было, что Северный Кавказ, который открывается с вершины, закрыт был идущим снегом.

Стоим еще две-три минуты на вершине. Омар начинает торопить нас, показывает на следы, которые быстро заносит падающий снег. Приходится отправляться в обратный путь.

Спуск был праздником для нас. Тот подъем, на который мы затратили колоссальное количество энергии, до смешного легко миновали мы при спуске. Осторожно слезая, мы по крутому склону конуса в какие-нибудь полчаса или того меньше были уже на седловине.

Снег все усиливался и усиливался. Вокруг уже ничего не видно. Отыскиваем камень, где мы оставили кошки и другие мелкие вещи. Кошки быстро надеваем на ноги. Нужно спешить. Если начнется ветер, то мы погибнем в снежном буране.

Почти бежим вниз. Следы заметены. — Держись за руки!!..

Неожиданно, как из жерла колоссального орудия, вырвался ветер.

У-у-у-у — завывало по снежным склонам, казавшимся безбрежными. Падающий снег смешался со снегом, который тучами взрывался ветром.

Слепило глаза. Все смешалось в белом хаосе. Взявшись крепко за руки, развернутым фронтом бежим вниз. Ветер продолжал стонать, на наших глазах нагоняя сугробы и тут же разметая их.

Размышлять о критическом положении было некогда, нужно скорей бежать. И мы бежали.

Но вот неожиданно перед самым носом вырисовываются камни «Приюта Пастухова». Омар без компаса, нюхом охотника-горца, берет правильное направление.

Разгоряченные бегом, мы как-то мало замечаем, как буря начинает постепенно утихать. Густо идет снег. Еще минут 15—20, и опять наступило горное безмолвие.

Замедляем темп. Опасность миновала. Чувство тревоги сменяется радостью, что ты в своей жизни пережил бурную симфонию гор, которая и сейчас, при воспоминании об этом, звучит отдельными, но грозными аккордами. Дышать становилось все легче и легче. Снегопад затихал. Внизу видны скалы «Приюта одиннадцати».

Еще немного, и мы — у места нашей стоянки. Окружившие товарищи осыпают нас вопросами.

Будка почти готова. Шендригайлов, Склярский и несколько балкарцев пришивают последние листы железа.

Узнав о случившемся несчастье с Братолюбковым, подшучиваем над его расцарапанной физиономией, но все смеются, указывая на наши лица. Кто-то подает зеркало, и мы удивленно смотрим на волдыри, которые покрывают наши лица: ультрафиолетовые лучи на большой высоте оказали свое действие.

Из цейсовского бинокля Раковский и наши товарищи по путешествию наблюдали наш подъем и очень волновались, когда начался снегопад.

Зовут в палатку ужинать. Для того, чтобы согреться, пьем чай с коньяком.

Начинает темнеть.

Щеглов, Тизенгаузен, Еланчик и Шендригайлов ложатся еще в недостроенной будке. Остальные решили провести вторую ночевку на старом месте, в палатке.

Нельзя сказать, что ночевать в будке было очень тепло. Ведь она еще была не готова. Железные стенки промерзли настолько, что от них шел «могильный холод». Но все же после пережитого мы на высоте 4100 м. чувствовали себя, как дома.

Через облака на «Кругозор»

Наступило утро 24-го июля. Собираться в обратную дорогу мы не спешили. Дожидаемся Шендригайлова, который принимает деятельное участие в окончательной достройке будки. Раковский угощает нас консервами и горячим чаем. Выяснилось, что керосину ему хватит. Плотно закусив, снаряжаемся в обратный путь. Флягу с водой, оставленную на ночь наружи, разорвало: вода в ней превратилась в лед.

В 9 часов начинаем спуск.

Внизу, как вата, навалены облака, из которых торчат только верхние части хребта. Над нами солнце — Эльбрус улыбался, а там, внизу, — пасмурная погода и, может быть, льет дождь. За двое суток мы свыклись с горной природой, сжились с ней, но было как-то странно спускаться в облака.

Через час мы вошли в туман. Чем ниже, тем гуще он становился. Скоро начался снегопад. Поджидаем Братолобова и Шендригайлова, которые сильно отстали, делая панорамный снимок.

Теперь нужно идти всем вместе, не теряя друг друга из поля зрения. В таких условиях, отстав или уйдя вперед, можно легко отбиться, потерять группу и стать перед не совсем приятной задачей — одному выбираться из тумана, тем более, что ледниковые трещины еще впереди.

Снегопад усиливается. Ноги глубоко проваливаются в снег. Омар начинает замедлять движение. Нужно быть осторожным, так как мы подходим к району ледниковых трещин.

Трещина опасна тогда, когда она замаскирована, засыпана или вернее — запорошена снегом. Ступив на такое место, провалишься через снег, полетишь в «ледниковую пропасть и наверное обретишь себе могилу.

Идем медленно. Втыкаем ледорубы в снег. Если он уперся в твердый лед или фирн, продвигаемся дальше. А иногда ледоруб проваливается, что называется, до отказа. Поворочав им немного, видишь, как снег проваливается, осыпается, и вырисовывается зияющая трещина. Но прыгать через нее рано: нужно определить действительные края. Ведь при прыжке нога может упереться не на лед, а на необвалившийся снег.

— Не связаться ли веревкой? — объясняя, спрашиваем Омара.

Он уклончиво продолжает продвигаться дальше, усиленно работая ледорубом. Может быть, с детства, охотясь один в горах за турами, Омар немного пренебрежительно относится к альпийскому тросу, к этому предохраняющему средству, которое предполагает наличие коллектива.

Вскоре мы залезли в настоящую «трясину» — впереди и с боков нас опоясывали глубокие и широкие трещины.

Казалось, нет проходу. Крупные хлопья падающего снега мешали ориентироваться.

Омар остановился. На наши вопросы он отвечал, как и всегда: «Не знаю». Но вот он снимает веревку со своего плеча и начинает ее разматывать, подчеркивая тем самым, что положение серьезное и нужно связываться.

Большое умение перебираться через трещины проявил Рудольф Брешар. Связавшись, мы почувствовали, какую большую ценность представляет в горах веревка, которая до сего времени, отягощала наши плечи.

Считаем друг друга — не отбил ли кто-нибудь. Нас восемь — где же девятый? Через полминуты выясняется, что Братолюбов, решив заснять нашу группу, в этот критический момент отошел в сторону, рискуя провалиться в трещину. На этот раз профессиональная привычка его не покинула.

Подождав Братолюбова, связанные веревкой, мы начали продвигаться смелее и более энергично.

Снегопад прекратился, и мы благополучно вышли из сети ледниковых трещин. Вскоре показались и осыпи. Мы подходили к «Кругозору».

Хотелось скорее, скорее спуститься в живописную долину Азау, полежать на траве среди деревьев, искупаться в горной речушке, хотелось быть среди живой природы, с которой свыкается человек в течение своей жизни, и которая в этот момент была нам так близка, так мила.

Но в то же время было жалко расставаться с ледяными полями.

Прощай, Эльбрус! Для тебя наше восхождение миг в тысячелетиях. Мы же эти дни не забудем никогда.

Молча, переживая каждый по своему, в последний раз смотрели мы на двуглавую вершину великана.

Практические указания для восхождения на Эльбрус

Как уже было указано в начале нашей книги, прежде всего нашу экспедицию интересовал основной вопрос: возможно ли массовое восхождение на вершины Эльбруса.

Эту туристскую проблему можно расчленить на два, связанных между собой, вопроса:

- а) доступен ли Эльбрус для широких туристских кругов и
- б) какой предел ставит эта гора в отношении организации массовых экскурсий, при условии одновременного восхождения.

1. В отношении первого вопроса мы пришли к следующему выводу: конусы Эльбруса в общем доступны для широких туристских кругов. Имея сравнительно пологие склоны, Эльбрус не ставит перед альпинистом больших технических трудностей. Хотя совершенно игнорировать их было бы ошибочно и даже вредно. Большая высота вершин (восточный конус 5593 м, западный — 5633 м.) ставит перед туристом целый ряд неблагоприятных

условий: недостаток кислорода, уменьшенное атмосферное давление, возможность снежных буранов и друг.

Основное требование, которому должен удовлетворять турист, желающий подняться на вершину Эльбруса, это — здоровье, главным образом — совершенно здоровые легкие и сердце, плюс предварительная тренировка (прохождение снежных перевалов, восхождение на горы). Во время этих восхождений важно проверить, подвержен ли организм горной болезни или нет. Если да, то от подъема на вершину Эльбруса нужно отказаться.

2. Что касается предельной цифры участников массовых экскурсий, ставящих себе целью восхождение на вершину, то здесь прежде всего нужно учитывать условия ночевки на скалах «Приюта одиннадцати». На площадке этих скал можно раскинуть максимум три палатки, имея в виду построенную там центральным советом Общества пролетарского туризма будку на 12 человек. Таким образом, предельной цифрой количество участников массовой экскурсии, по нашему, должно быть 40—45 человек. Если, паче чаяния, массовая экскурсия перешагнет этот предел, то необходимо в районе Эльбруса (Тегенекли, и Азау или на «Кругозоре» Эльбруса) разбиться на две группы для поочередного восхождения. Вначале совершает восхождение одна группа, а по возвращении ее на «Кругозор» начинает подниматься другая. Конечно, такой порядок требует добавочного времени. Ожидающая группа может использовать свободное время для тренировочных восхождений в районе подножья, богатого красивыми и интересными местами.

Нужно еще учитывать то обстоятельство, что при восхождении на вершины слишком большой группы шансы случаев заболевания горной болезнью в резких формах (кровотечение, обмороки) увеличиваются, а это будет мешать, задерживать успешное восхождение.

3. В вопросе выбора времени для восхождения на Эльбрус мы целиком согласны с Фроловым, который в своей статье «На вершину Эльбруса», помещенной в «Ежегоднике Кавказского горного общества» № 5, пишет: «Относительно времени подъема существует довольно веское мнение, что самым удобным временем для этого нужно признать первую половину августа. В это время, говорят, около Эльбруса устанавливается самая лучшая летняя погода, трещины уже все открыты, снег стаял и мало льда на склонах. С этим, конечно, спорить едва ли кто станет. Всем известно, что к концу лета на горах стаивает весь тот снег, который должен стаять. Но мне хочется сказать, что подъем можно совершать и раньше, в первой половине июля. Конечно, трудно разубедить людей во мнении, уже установившемся. Когда я отправлялся на Эльбрус, в начале июля, то не раз приходилось выслушивать о своем предприятии нелестные отзывы».

4. Несколько замечаний по поводу снаряжения. Прежде всего — в отношении одежды. Последняя должна удовлетворять двум требованиям: первое — достаточно предохранять туриста от холода и второе — быть максимально легкой. Нужно обеспечить себя теплым бельем (лучше всего егереvским), шерстяными носками или чулками, теплой фуфайкой или свитером, шерстяным шарфом или кашне, шлемом (годен и красноармейский шлем), теплыми варежками и теплыми гетрами. Для защиты от холода во время ночевки лучше всего иметь спальный мешок, который можно выписать из магазина «Турист» (Москва, Петровка, 7). Можно сшить мешок и самому, указания по этому поводу в книге Погребецкого «Спутник

туриста». Спальный мешок может заменить кавказская бурка, которую легко купить в Нальчике или в Кисловодске. Покупать бурку нужно умеючи: она должна быть достаточно плотной и не пропускать воду. Чтобы определить это, нужно укутать себя буркой с головой и внимательно посмотреть, нет ли просветов. Цена бурки, средней по качеству, 25—40 рублей.

Ботинки должны быть из грубой кожи, лучше всего с двойной подошвой, которую необходимо подбить гвоздями с торчащими наружу головками. Гвозди обеспечивают упор ногам во время хождения по ледникам. При Нальчикской базе Общества пролетарского туризма имеется сапожник, который за небольшую плату набивает соответствующие гвозди. Для того, чтобы ботинки не пропускали воду, их необходимо смазывать мазью, которая продается в охотничьих магазинах, а также вшить глухой язык. Еще одно необходимое напоминание относительно обуви: ее нужно предварительно разносить, иначе можете натереть себе ногу и испортить себе все путешествие. Фуражки и шляпы с собой не брать, а пользоваться осетинской войлочной шляпой, которая очень легка, пропускает воздух, в то же время сохраняет теплоту и своими большими полями закрывает глаза. Брюки должны быть просторны и не стеснять движения ног — лучше всего рейтузы.

Теперь, собственно, о снаряжении. При Нальчикской базе имеется кое-какое альпийское снаряжение, но лучше обеспечить себя всем необходимым заранее. Каждый из участников должен иметь: альпеншток, кошки, очки-консервы для предохранения глаз от ультрафиолетовых лучей на ледниках и фирновых полях (лучше с желтыми или дымчатыми стеклами), алюминиевые фляги для воды. На больших высотах, где ночью может быть мороз, нужно класть фляги в теплые места, иначе вода замерзнет и разорвет флягу.

Некоторые рекомендуют при восхождении на Эльбрус брать с собой фланелевые маски — на больших высотах лучи поражают не только сетчатку глаза, но и кожу лица. Мы лично не пользовались масками, так как они, закрывая лицо, затрудняли дыхание и тем самым делали подъем более трудным. К тому же волдыри, которые могут появиться на незащищенных частях лица, быстро сходят, не оставляя следов. При хождении по ледникам и фирновым полям нужно только чаще смазывать лицо вазелином, который предохраняет от ожогов.

Из общего снаряжения необходимо взять один ледоруб, приблизительно на 4 человек альпийский трос (веревка). Обычно эта веревка готовится из манильской пеньки, но годен и лен. Как практика показала, связываться на ледниках одной веревкой нужно не больше, чем 4—5 человекам, и расстояние между ними должно быть 7—8 метров, следовательно, длина троса равняется, примерно, 40 метрам. При прочности материала толщина достаточна 13 мм. Существуют несколько способов связывания веревкой. Укажем, каким пользовались мы. Мы складывали соответствующий участок веревки вдвое, по длине плеч, и делали узел. Образовавшуюся петлю надевали на грудь, узлом под рюкзак. Нужно следить, чтобы веревка была на определенном уровне (на груди) и не сползала вниз. Одна рука должна быть свободна. При подъеме более опытные идут впереди, при спуске — наоборот, наиболее опытные и сильные — позади.

Имея в виду, что несколько дней придется быть в областях вечных снегов и льдов, где нет никакой растительности, необходимо взять с собой примус и керосин или же сухой спирт.

Палатку можно сделать самим, купить или взять на прокат, по размеру, в зависимости от численного состава группы. Если группа небольшая, палатку можно не брать, имея в виду, что на «Кругозоре» раскинуты палатки «Советского туриста», а на скалах «Приюта одиннадцати» построена будка на 12 человек.

Более подробные справки о снаряжении для туризма, вообще можно получить, прочитав книгу Погребецкого «В помощь туристу» или Семеновского «Снаряжение туриста». Снаряжение можно выписать из магазина «Турист» (Москва, Петровка, 7).

5. Аптечка должна содержать следующие медикаменты: дезинфицирующие средства, валериановые капли, аспирин, фенацитин, спирт, коньяк или ром, бинты, гигроскопическая вата, йод, вазелин, нашатырный спирт. Не забудьте взять лимон, как одно из лучших средств против горной болезни.

6. Продовольствие нужно заготовить на месте, до выезда к Эльбрусу, так как в этом районе закупить продовольствие трудно (легко можно достать только айран и барашек). Продукты должны быть максимально питательными и в маленьком объеме содержать много белков и жиров (колбаса копченая, сало, сыр, икра, мясные консервы, шоколад, сахар и сушеные фрукты). Хлеб нужно брать в виде галет или сухарей. Хорошо иметь консервированный бульон («магги»). На базе «Советского туриста» в Тегенекли можно получить обеды и завтраки. Продовольствие лучше всего упаковывать в брезентовые или клеенчатые мешки. По договору Общества пролетарского туризма с Наркомторгом, торгующая сеть отпускает по туристским карточкам (для членов Общества пролетарского туризма) увеличенную норму продовольствия во время следования по маршруту.

7. Лучшими проводниками, побывавшими на вершине Эльбруса, являются Сеид Хаджиев и Омар Быкаев. Живут они в Тегенекли. Нормы оплаты проводников устанавливаются ежегодно специальным договором между Обществом пролетарского туризма и сельсоветом. В прошлом году нашей экспедицией было заплачено проводнику 45 рублей (за 9 человек).

8. Теперь о самом восхождении. Перед подъемом на Эльбрус, если позволяет время и если до этого группа не ходила по горам, нужно специально потренироваться. Мы рекомендуем для тренировочного восхождения хребет Юсеньги, который хотя и невысок (3600 м), но довольно-таки крут. Дорога к нему по ущелью Адыл-су, а затем Шхельды, очень красива. С хребта хорошо можно рассмотреть Ужбу, а главное, если вам не помешают облака, увидеть Эльбрус от самого основания до вершины и его расположение среди окружающих гор. Оттуда же хорошо виден Бечойский перевал, ведущий в Сванетию. Восхождение на хребет займет один день. Выйти из базы можно в 8 час. утра, захватив с собой немного продовольствия и альпенштоки.

9. Из Тегенекли к Эльбрусу нужно выступать пораньше, не позже 7 часов утра, чтобы в этот же день подняться на «Кругозор», заночевать там и тем самым сохранить силы для перехода в следующий день до скал «Приюта одиннадцати». В Тегенекли можно нанять для вьюка ослов до Азау или даже до «Кругозора». От Тегенекли до поляны Азау переход займет часов 6—7, от Азау до «Кругозора» — 2½—3 часа.

10. На «Кругозоре» в целях облегчения подъема необходимо оставить все то, что не будет являться нужным дальше (часть продовольствия, всю крупу, боковые сумки с мелочью, без которой можно обойтись, топоры и т. п.). Продовольствие нужно брать из расчета на 4—5 дней, на случай, если вам придется отсиживаться дня 2—3 на скалах «Приюта одиннадцати» в выжидании хорошей погоды. Это указание, конечно, относится к тем группам, которые имеют твердое намерение достигнуть вершины. С «Кругозора» нужно выходить как можно раньше, чтобы большую часть пути до скал «Приюта одиннадцати» пройти по замерзшему, твердому снегу. К 10—11 часам, несмотря на большую сравнительно высоту, снег от солнечных лучей становится рыхлым, и ноги в некоторых местах проваливаются до колен, затрудняя тем самым движение. Перед выходом с «Кругозора» нужно наполнить фляги водой из ручья, который течет на этом выступе. Снег не утоляет жажды, а вода, которая образуется от его таяния, тоже мало пригодна для питья. По мнению многих туристов и горцев, от питья такой воды человек скоро ослабевает.

11. Хотя подъем от «Кругозора» до «Приюта одиннадцати» сравнительно пологий, все же спешить не нужно, а идти медленно, равномерно, делая частые, небольшие остановки, через равные промежутки времени. На этом пути будут встречаться ледниковые трещины. Если погода накануне была хорошая и за ночь не выпал снег, можно идти в районах, где много ледниковых трещин, не связываясь веревкой, тем более, если с группой идет опытный проводник, знающий хорошо этот район. Если же трещины запылены снегом, то лучше всего в таких местах связаться веревкой. Но так или иначе, идущий впереди должен все время внимательно прощупывать снежную дорогу.

12. На скалах «Приюта одиннадцати» лучше всего пробыть двое, трое суток для того, чтобы организм акклиматизировался (привык к атмосферным условиям больших высот). Если группа большая и не может полностью вместиться в построенной будке Общества пролетарского туризма, то остальная часть раскидывает принесенную с собой палатку, положив на край ее полотнища камни, чтобы не сорвал ее ветер, который может здесь разыграться неожиданно. Воду доставать в ручье, который течет внизу скалы, с южной стороны.

13. Начинать подъем на вершину лучше всего в 1—2 часа ночи, при свете луны, так как, во-первых, луна достаточно хорошо освещает путь; во-вторых, больше можно отдохнуть, имея достаточный запас времени для восхождения; в третьих, замерзший снег облегчает путь и, в четвертых, дальше ледниковых трещин не будет (к восточной вершине, где мы были).

14. Одеваться нужно легко и тепло: теплое белье, свитеры, поверх которых одеть пиджаки или гимнастерки, на голове шлемы, теплые шарфы или кашне, обязательно теплые чулки, варежки, гетры. От такой тяжелой и теплой одежды, как шубы, теплые меховые куртки — нужно отказаться. Из снаряжения взять кошки, альпенштоки, по одному ледорубу минимум на 4 человека. Альпийский трос для восхождения на вершины не нужен. До седловины привязать кошки к поясам, а не надевать на ноги, так как подбитые гвоздями ботинки обеспечивают достаточный упор ноге, в более же крутых местах поможет ледоруб. Кошки нужны для восхождения на конусы и для быстрого спуска к скалам «Приюта одиннадцати». О масках мы уже писали. Из медикаментов взять: нашатырный спирт, ром,

коньяк или очищенный спирт, йод, вату и бинты, фенацитин, аспирин и лимоны. Для поддержания сил карманы набить шоколадом, сахаром, сухарями и сушеными фруктами.

14. Выходить на вершину только тем, кто чувствует себя вполне здоровым. Тому, кто недомогает или накануне был подвержен горной болезни, лучше всего остаться на скалах или же возвратиться на «Кругозор»

15. Темп восхождения должен быть очень медленный. До «Приюта Пастухова» можно рекомендовать 20—25 шагов и 15—20 секунд отдыха; от «Приюта Пастухова до седловины 10—12 шагов — 20—30 секунд отдыха. В течение всего восхождения сделать два больших, генеральных отдыха: на скалах Пастухова — минут 40, на седловине — около часу. Конечно, указанные нами темпы движения имеют до некоторой степени условный характер. Наша группа от «Приюта одиннадцати» до «Приюта Пастухова» поднималась 4 часа, от «Приюта Пастухова» до седловины — 4½ часа, от седловины до восточной вершины — 2 часа.

Спускаться с вершины до «Приюта одиннадцати» — очень легко, и можно этот путь сделать в 2—2½ часа. Спустившись с конуса, с кошками по фирновым полям можно бежать.

В заключение, для начинающих альпинистов даем советы: а) научиться хорошо ориентироваться по карте; б) хотя бы элементарно ознакомиться со строением гор и их образованием, обращая особое внимание на области обледенения; в) не бояться трудностей, которые вам будут расписывать, но быть всегда осторожными в процессе восхождения.